

СТАРЫЕ ИЗМЫШЛЕНИЯ О Е.П.БЛАВАТСКОЙ И РЕРИХАХ – С ПРЕТЕНЗИЕЙ НА НАУЧНОСТЬ

(О книге А.И. Андреева «Гималайское братство: Теософский миф и его творцы»)

1. У истоков ложного следа

«Если факты противоречат моей теории, то тем хуже для фактов». Эти слова, принадлежащие немецкому философу Г.В.Ф. Гегелю, сказаны в иное время и при иных обстоятельствах. К нашему повествованию сам великий мыслитель отношения никакого не имеет, зато сказанное им очень точно отражает сущность того издательского продукта, о котором пойдет речь.

К сожалению, ныне оформился некий особый тип литературы, которому присуще глубокое противоречие между внешней формой (громкое название, солидное издательство, разного рода интеллектуальная поддержка) и внутренним, смысловым содержанием. Так получилось с вышедшей в 2008 г. в издательстве Санкт-Петербургского университета книгой А.И. Андреева «Гималайское братство: Теософский миф и его творцы», имеющей претенциозный подзаголовок – «Документальное расследование». Однако то, что это – расследование, совершенно не следует ни из самого, не терпящего возражений, названия, ни из предлагаемой читателю краткой аннотации. Что касается последней, то в ней предпринят крайне неграмотный, а в основном явно предвзятый подход к теме, что сразу обращает на себя внимание. Вот фрагмент из этой аннотации: «Новая работа петербургского историка А.И. Андреева посвящена теме возникновения, развития и бытования новых мифов на примере теософского мифа о “Гималайском Братстве”. Автор проводит документальное расследование религиозно-мистической деятельности Е.П. Блаватской (основательницы теософского учения) и ее последователей Н.К. и Е.И. Рерихов, показывая, каким образом возник миф об “учителях человечества”, о махатмах, и как с его помощью Рерихи пытались изменить наш мир...»¹. То, насколько абсурдно первое предложение этого фрагмента, будет показано ниже. Здесь лишь отметим, что тема, связанная с Великими Учителями человечества, необыкновенно сложна, она требует больших познаний в истории культуры, философии и других областях, а главное – внутренней порядочности и особого такта того, кто взялся ее исследовать. При отсутствии таковых, многие, пока еще малопознанные наукой, явления, имеющие отношение к этой теме, могут трактоваться, как кому заблагорассудится, но при этом и результат будет соответствующий.

Что же касается того, что выдающийся русский философ, ученый и просветитель Е.П. Блаватская будто бы имеет отношение к «религиозно-мистической деятельности» (заметим, что не сам вопрос причастности Е.П. Блаватской к такого рода деятельности, а уже якобы существующий ее факт и взялся «расследовать» Андреев), надо сказать, что это не более чем

вымысел. Ибо Елена Петровна, человек, обладавший огромными познаниями и высокой внутренней культурой (что следует из ее трудов, а также многих свидетельств и воспоминаний о ней) не имела никакого отношения к мистике. Кроме того, следует подчеркнуть, что религиозная деятельность и философское осмысление древних религиозных систем, их научное изучение (а именно последнее находилось в поле интересов Е.П. Блаватской) – это совершенно разные вещи. К этому можно добавить и то, что современная академическая наука отмечает Е.П. Блаватскую не только как философа, но и как ученого². Также приведем следующие факты.

Как известно, Е.П. Блаватская выступила основателем Теософского общества. В 1880 г. при регистрации этого общества судья А. Александер в американском суде г. Сент-Луиса засвидетельствовал: «Проситель не представляет собой религиозное общество... преподавание религиозных учений само по себе не есть религиозная деятельность в смысле установленном законом. Следует отметить, что в Ст. 2 устава этого Общества слово “религия” употребляется во множественном числе. Преподавание религиозных учений есть образовательно-просветительская деятельность, а не религиозная. “Способствовать изучению религий” в некотором смысле означает содействовать изучению истории человечества. Попутно отмечу, что у Общества нет религиозного символа веры или особого культа»³. Сама же Е.П. Блаватская в одной из своих статей писала следующее: «Принимаю с благодарностью новые достижения научной мысли, которые, среди прочего, помогают раскрывать теологические заблуждения, и принимая методы и постулаты науки, сторонники теософии пытаются спасти из-под обломков различных культов драгоценные крупички истины, содержащиеся в каждом из них. Отвергая теорию чудес и сверхъестественного, они стремятся проследить родство всех членов семейства мировых религий друг с другом и их общую согласованность с наукой...»⁴.

Вышесказанное полностью опровергает измышления о Е.П. Блаватской, поданные в аннотации к книге Андреева. Может быть, поэтому эти свидетельства не положены Андреевым в основу своего так называемого «документального расследования»? Причем содержащий их источник – книга американской исследовательницы Сильвии Крэнстон – хорошо знаком ему, т.к. в тексте Андреева содержатся неоднократные ссылки на эту книгу. Как видно, автор действует крайне выборочно, опуская важные факты, которые могли бы опровергнуть его вымыслы и свели бы на нет все его «расследование» (которое, кстати сказать, Андреев и начинает с такого раздела, как «Елена Блаватская и миф о махатмах»). Отсюда становится понятным, почему «следователю» необходимо создать иной образ Е.П. Блаватской и Рерихов. Ведь крайне искаженно поданные их облики дают Андрееву определенную почву для написания своего опуса.

Особую роль в анализируемой книге играет совершенно особый подбор литературы. Речь идет об использовании Андреевым весьма сомнительных изданий, которые по целому ряду причин вообще нельзя считать источниками и выстраивать на их основе какие-либо выводы. Из такого рода литературы особо

пристальное внимание Андреева привлекли такие издания, как «Мои Учителя» З.Г. Фосдик, «Высокий Путь» и работы В.А. Росова. На эту литературу автор дает наибольшее количество ссылок. Также, некоторое внимание было уделено книге М.Л. Дубаева «Рерих» и сочинению О. Шишкина с названием в стиле шоу – «Битва за Гималаи. НКВД: Магия и шпионаж». Не забыл Андреев и скандально известного выдумщика диакона А. Кураева, о котором будет сказано ниже, а также А.Н. Сенкевича, отличившегося своими клеветническими измышлениями в адрес семьи Рерихов⁵ и Е.П. Блаватской (в своей книге Андреев ссылается на А.Н. Сенкевича в первой части, посвященной Елене Петровне). Т.П. Сергеева в статье «Тайна пророка или великий заговор?» пишет, что А.Н. Сенкевич в своей книге «Елена Блаватская», написанной в духе бульварного романа, клеветает на великую подвижницу, переплетая «крупницы фактов с фантастическими историями» и пытаясь интерпретировать свои же «художественные» выдумки⁶. В этой же статье приводится показательный фрагмент из интервью А.Н. Сенкевича («Рыцарь с сундуком из “1001 ночи”»). Московский комсомолец, 7 июня 2005 г. С. 9), в котором он признается: «как на духу: ученый я никакой. По темпераменту не ученый! И потому буквально ломал себя через коленку, когда писал свои научные статьи... Зато в романе [речь идет о книге Сенкевича «Семь тайн Елены Блаватской». – Прим авт.] я был свободен от всех условностей – у меня возникали свои правила игры»⁷. Как замечает Т.П. Сергеева, «по-видимому, доктор наук А. Сенкевич называет “условностями” такие ненавистные ему научные категории как объективность и историческая достоверность, совершенно необходимые, когда речь идет о реальных личностях»⁸.

Но вернемся к некоторым вышеназванным именам и изданиям. О книге «Мои Учителя» будет сказано ниже, поэтому обратимся к сборнику «Высокий Путь». Под этим названием в свое время издательством «Сфера» были опубликованы книги, содержащие дневники Е.И. Рерих. Но когда мы слышим об этом издании, необходимо учитывать два важнейших момента. Во-первых, публикация этих дневников издательством «Сфера» была несвоевременной и незаконной, т.к. существует распоряжение самой Е.И. Рерих относительно сроков издания: она наложила запрет на их обнародование без учета этих сроков. Кроме того, дневники, с которых осуществлялась публикация, были не оригиналами, но авторскими копиями, присвоенными супругами Хорш во время их предательства. Оригиналы же С.Н. Рерих в 1990 г. вместе с остальным наследием Рерихов передал в Международный Центр Рерихов, который и обладает на них авторскими правами. Последние были вероломно нарушены Д. Энтиным, исполнительным директором Музея Николая Рериха в Нью-Йорке, при содействии издательства «Сфера», что, по сути своей, явилось продолжением предательства Л. Хорша. Во-вторых, само издание дневников было осуществлено крайне безграмотно, что также является важнейшей причиной, не позволяющей рассматривать «Высокий Путь» как источник, которым можно пользоваться в исследовательской работе. Так, Т.О. Книжник, сравнив опубликованное в «Высоком Пути» с оригиналами дневников Е.И. Рерих, хранящимися в Международном Центре Рерихов, сделала

подробный анализ, который высветил целый ряд непозволительных для издателя действий в обращении с публикуемым материалом. Например: «единый текст дневника Е.И. Рерих... был разделен составителями на три части: записи, вошедшие в книгу “Озарение”; записи, вошедшие в книгу “Высокий Путь”; “отсеянные” записи...»⁹; «в тексте не указано НИ ОДНО из многочисленных составительских сокращений, при этом фрагменты, нередко относящиеся к совершенно разным вопросам, оказываются слитыми воедино, что приводит к искажению смысла»¹⁰; «стилистическая правка текста»¹¹ и многое другое. Далее в таблицах автор сопоставляет оригинальный текст и опубликованный «Сферой»; в последнем почти на каждой странице фигурируют произвольные исправления!

Теперь несколько слов о методах работы В.А. Росова. На сегодняшний день существуют серьезные исследования, которые ясно раскрывают как научную недобросовестность Росова и несостоятельность его идей, так и те антинаучные методы, которые он практикует. Например, это: недопустимое обращение с цитатами: их купирование, помещение в иной контекст, их искажение, также это и «произвольные размышления над архивными документами»¹²; вольная интерпретация сложных текстов, произвольное объединение различных материалов¹³; предубеждение, умаление, вымысел и даже очернительство¹⁴; необоснованные измышления и подмена, игнорирование необходимых для контекста источников¹⁵. «Историческую реальность, отраженную в текстах исторических документов, – подчеркивается в одном из анализов книги Росова «Николай Рерих: Вестник Звенигорода», – Росов воссоздает сообразно собственной системе ценностей и представлений: общественно-культурную деятельность русского художника и мыслителя <...> он освещает в привычном для современного российского обывателя геополитическом ключе. В результате многогранная личность Н.К. Рериха остается не раскрытой и не понятой автором, одно из самых сокровенных и многогранных понятий философского наследия Рерихов, Новая Страна, оказывается опошленным, а грандиозные планы культурного строительства – смешанными с грязью политических интриг»¹⁶.

Наконец, как уже говорилось, нельзя не заметить и некоторое внимание Андреева еще к двум изданиям. Во-первых, к книге М. Дубаева «Рерих», которая, как известно, содержит значительно искаженный и, в целом, не соответствующий реальности образ Н.К. Рериха. Ее автор совершенно не понял тех духовных основ, которыми руководствовался Н.К. Рерих, и, видимо, отсюда его попытки принизить как факты и события, так и само историческое значение личности Николая Константиновича, и даже оскорбить его. Кроме того, текст М. Дубаева содержит противоречия и непоследовательность в изложении, а также измышления В. Росова, О. Шишкина и др. Такие подходы М. Дубаева к рассмотрению жизненного пути Н.К. Рериха освещены в статье О.А. Лавреновой, В.Ю. Музычук, Т.П. Сергеевой «Опыт бездуховной биографии»¹⁷.

Во-вторых, Андреев нашел поддержку у О. Шишкина, широко известного своими клеветническими заявлениями, используя его книгу «Битва за Гималаи.

НКВД: Магия и шпионаж». В свое время Шишкин пытался доказать сначала на страницах российской газеты «Сегодня, а затем в вышеназванной книге, что Н.К. Рерих был советским шпионом. Показательно то, что использование Шишкиным в книге «Битва за Гималаи» множества ссылок на архивные источники, оказалось просто мыльным пузырем. Международный Центр Рерихов (МЦР) провел работу по проверке архивных документов на предмет достоверности ссылок, сделанных автором. Результат работы лишний раз подтверждает, что, имея цель опорочить Рерихов, псевдоисследователи идут на фальсификацию и явный подлог исторических событий и содержания документов, на которые ссылаются. После выхода первых статей Шишкина, МЦР подал в суд на газету «Сегодня» и на самого Шишкина, и этот суд был выигран Центром, так как свои измышления Шишкин доказать не смог. (Методы работы О. Шишкина подробно проанализированы в одной из работ А.В. Стеценко¹⁸). К вышесказанному остается лишь добавить, что Андреев, выражая благодарность своим «друзьям и коллегам», всем тем, кто, как он пишет, «щедро делился со мной своими мыслями по тем или иным вопросам, затронутым в этой книге, помогал мне в сборе материалов или просто поддерживал меня в нередкие “минуты сомнений”», особенную признательность среди прочих выражает и О. Шишкину.

Какую книгу можно написать с такой «информационной поддержкой», можно только догадываться.

Само повествование начинается с того, что его автор с нескрываемой поспешностью пытается навязать читателю следующую, довольно примитивизированную, схему: «Мифы – это двигатели человеческой истории», их сочиняют люди, создавая этим «коллективные иллюзии, грёзы», причем творцы мифов прекрасно понимают, что с их помощью «можно влиять на массы, внушать им те или иные идеи, а значит управлять людьми»¹⁹. И тут же возникает тема так называемого «теософского мифа об “учителях человечества”». Хотелось бы подчеркнуть, что именно такой логикой, занявшей не более половины страницы, и предваряется вся книга. С первых же ее строк все ясно и безапелляционно. Но ведь «коллективные иллюзии» (или мифы, по логике автора), уже по своей сути, не могут быть двигателями истории человечества. Известно, что если в пространстве истории возникают иллюзии социально-политического, идеологического и т.п. характера, то, исчерпав, в конце концов, свою энергетику, они таковыми и остаются, у них просто нет возможности что-либо действительно серьезно продвигать вперед. Исторический процесс двигают духовно-культурные накопления народов, культурная преемственность, а также отдельные подвижники – духовные водители, великие ученые и мыслители всех времен. Все это вещи очевидные, но в таком случае, на какого же читателя рассчитывает автор книги? Неужели, «специалисты в области востоковедения, религиоведения», а также широкий круг читателей (как значится в аннотации) будут действительно занимать свой ум всем этим сочинительством?

Ведь в одном только предисловии, занявшем десять страниц, содержится, как минимум, с десяток голословных утверждений, несоответствующих

действительности, иными словами, в среднем – ложь на каждой странице. Как известно, роль предисловия немаловажна, т.к. оно вводит читателя в общий контекст проблемы. У Андреева дело обстоит несколько иначе: в предисловии он пытается сам создать проблему, вовлекая читателя в хитросплетения собственных измышлений и задавая определенный тон всей книге. Так, без особых усилий Андреев с первых же страниц дает читателю следующую установку: «В 1990-е годы в постперестроечной России стало набирать силу вышедшее из подполья квазирелигиозное рериховское движение под знаменем учения “Агни Йоги” или “Живой Этики”, якобы переданного махатмами людям через свою “сотрудницу” Елену Рерих, дабы вывести человечество на новый эволюционный виток. Эта мысль всячески акцентируется ныне лидерами движения, пытающимися представить Агни Йогу как духовную традицию “Новой Эры”, дающую ключ к овладению “психическими и космическими энергиями”»²⁰. Упорное желание навязать читателю мысль о том, что культурно-просветительское рериховское движение и сама философская система Живой Этики имеют отношение к религии, – тактика далеко не новая. Откуда «дует ветер» становится предельно ясно из довольно обширной сноски о Живой Этике и рериховских организациях, завершающейся ссылкой на один из опусов диакона Кураева. Именно диакон, бросив все свои силы на борьбу с наследием Рерихов и теми, кто его изучает, в свое время тщетно пытался внедрить в общественное сознание мысль о якобы принадлежности Живой Этики к религии, а рериховского движения – к тоталитарной антихристианской секте. Невежество Кураева известно широко, об этом уже много писалось²¹. Однако Андрееву просто необходимы измышления диакона, т.к. они хорошо ложатся в контекст «расследования».

Утверждение же Андреева о том, что лидеры рериховского движения ныне якобы пытаются представить Живую Этику «как духовную традицию “Новой Эры”» также не соответствует действительности. Об этом, в частности, свидетельствуют ежегодные международные научные конференции, в работе которых наряду с учеными самых различных областей знания принимают участие представители рериховского движения. Эти конференции с каждым разом раскрывают все новые грани именно научной ценности Живой Этики²², идеи которой созвучны открытиям выдающихся ученых XX – XXI века. Игнорируя это, Андреев умышленно употребляет словосочетание «Новая Эра», так как оно может ассоциироваться с неким движением «Новый век» («New Age»), обозначенным в книге, в расположенной несколько выше сноске, как движение, в рамках которого якобы и возникла «синкретическая религия», или, ни больше, ни меньше, «рериховское учение»²³.

Также необходимо сказать, что автор книги постоянно и разными способами пытается подвергнуть умалению то, что веками питало дух многих народов. Называя Махатм «миссионерами», он тут же добавляет «если верить Е. Рерих и ее последователям»²⁴. В то же время, такое наименование совершенно не характерно для тех мест в трудах Рерихов, где они пишут о Великих Учителях. Кроме того, «разогретый» собственными домыслами, Андреев отождествляет духовных Учителей с некими «потусторонними

силами»²⁵. Из текста видно, что его автор даже не пытался понять сути концепции космической эволюции человечества, роль Учителей в которой является определяющей. Дальше – больше: «Исподволь создается культ Учителей – “Иерархов Света” и вместе с ним культ “семьи Светоносцев”, то есть Рерихов, разрабатываются соответствующие ритуалы и иконография»²⁶. Судя по вышестоящему контексту, к этому, видимо, причастны рериховцы. Снова перед нами вывод без каких-либо доказательств, а попросту говоря, очередная ложь. Кем конкретно разрабатываются ритуалы и иконография – не сказано. Да и не могут быть здесь указаны необходимые в таких суждениях подробности, так как их Андрееву и взять-то неоткуда. Вместо обоснований далее следует нечто совершенно непонятное, видимо, составленное из весьма нечетких отображений путаного сознания автора, отображений того, что он где-то видел или слышал. Андреев увидел «на одной из икон» (!) Е.И. Рерих, которая предстает в образе «воплощенной “Матери Мира”»²⁷. Что же мы имеем на самом деле.

Поскольку о некоей конкретной иконе автор пишет сразу же после вышеприведенного фрагмента, а тот, в свою очередь, следует в контексте так называемой «прозелитистской деятельности рериховцев», то логично предположить, что и эта таинственная икона создана в результате этой деятельности. Но рериховцы никогда не писали и не пишут икон с изображением Рерихов, что является общеизвестным фактом. Может быть, Андреев предполагал художественное творчество Н.К. Рериха или его сына С.Н. Рериха, но и тут ничего не сходится. Портреты Е.И. Рерих были написаны С.Н. Рерихом в 1934 г. и в 1937 г.; есть два полотна Н.К. Рериха, которые называются «Мать Мира», оба 1924 г. Но все эти работы не имеют ничего общего с тем, о чем пишет Андреев. К этому остается лишь добавить, что Н.К. Рерих писал картины, а не занимался иконографией, что широко известно и не требует каких-либо доказательств. Как видно, комментарии здесь излишни. Поданное же далее к «иконе» так называемое «толкование образа» взято Андреевым из какого-то сайта в Интернете, где, как известно, можно найти все, что угодно. Но Андреев ведь проводит «расследование», вот и нашел. Причем само это «толкование» оказалось неким текстовым конгломератом²⁸, составленным с помощью различных фрагментов (без всяких кавычек и ссылок), в том числе: из предложения, взятого из «Граней Агни Йоги» (т. 11), неполного предложения из статьи Л.В. Шапошниковой «Огненное творчество космической эволюции»²⁹, а затем из целого ряда отрывков предложений предыдущей страницы этой же статьи Л.В. Шапошниковой³⁰. Присутствуют и какие-то другие фрагменты. Для исследователя, каким мнит себя Андреев, такой подход совершенно не приемлем. Однако вся его книга, как можно будет убедиться далее, пестрит еще более яркими нелепостями.

Одно из основных утверждений Андреева, вторящее самому названию книги, что якобы «на земном плане махатмы никак не обнаруживают своего присутствия»³¹, вообще не выдерживает никакой критики. Свидетельств по данному вопросу более чем достаточно. И если автор книги упорно не желает

принять заслуживающие пристального внимания свидетельства самих Рерихов, глубоко ознакомиться с целым рядом исторических фактов самых разных времен, то это можно отнести только лишь к особенностям метода его «расследования». Если же Андреев ссылается на Рерихов, то старается использовать их цитаты в своих интересах.

Так, например, он приводит обширный фрагмент из письма Е.И. Рерих, где изложен ряд важных исторических свидетельств Помощи Великих Учителей, в том числе в виде предупреждений или советов, адресованных шведскому королю Карлу XII, французской королеве Марии Антуанетте, Наполеону, президенту Вашингтону³². Прежде всего, нельзя не отметить ту небрежность, с какой автор поступает с вышеназванным цитируемым им фрагментом из письма Е.И. Рерих. Андреев, судя по ссылке, пользовался изданием Международного Центра Рерихов – третьим томом из полного собрания писем Е.И. Рерих³³, но в своей книге допустил в данной цитате некоторые произвольные изменения. Например, непонятно зачем из цитаты изъято несколько слов, кое-где слова просто претерпели изменения, в ряде случаев прописная буква заменена на маленькую и вдобавок ко всему никак не обозначено в приводимой цитате изъятие целого предложения, представляющего собой в оригинальном тексте отдельный абзац. Вообще, небрежное отношение к цитируемым фрагментам – это очень показательный момент, характеризующий, прежде всего, самого исследователя. Но главное здесь то, что данная цитата приводится Андреевым не для анализа и дальнейшего исторического поиска других подобных фактов высокой Помощи, а только лишь для того, чтобы все это голословно заклеить собственными невежественными высказываниями. Предварив данную цитату таким выражением как «перетолковывается и известная нам всемирная история», сразу же после темы Помощи Андреев пишет следующее: «Отталкиваясь от учения Блаватской, Е. Рерих по сути пересказывает популярные среди оккультистов XIX века легенды, а то и просто анекдоты, не утруждая себя их проверкой»³⁴. И это слова историка? Быть может к «анекдотам» Андреев причислит и фундаментальный труд видного латышского мыслителя, ученого и поэта первой половины XX в. Р.Я. Рудзитиса «Братство Грааля»? В этой книге, которая писалась более двадцати лет, на основе исторических фактов, сказаний, литературных источников, свидетельств очевидцев разных времен раскрывается реальный многовековой культурный пласт, связанный с Великими Учителями человечества. В ней задействовано более сотни источников, из которых половина на иностранных языках. Но Андреев почему-то обошел этот ценный источник. Как обошел он еще один труд, в котором собраны многие важные свидетельства для научного осмысления темы, связанной с Великими Учителями – это книга крупнейшего исследователя жизни и творческого пути Рерихов, академика Л.В. Шапошниковой «Мастер»³⁵. (Единичный случай ссылки на этот труд, который можно встретить в книге Андреева и который представляет собой включение цитаты из «Мастера» в свой контекст, конечно, не в счет). Л.В. Шапошникова в этом труде, получившем высокую оценку крупных российских ученых и деятелей

культуры³⁶, впервые в науке собрала и проанализировала множество свидетельств, которые содержатся в работах Н.К. Рериха. Все это в который раз подчеркивает крайне выборочный характер «расследования» и его заранее предreshенный самим же «следователем» финал. В продвижении к этому финалу Андреев старался, где только возможно, собирать лишь весьма сомнительные умозаключения, лживые свидетельства и всевозможные домыслы. И все это он вводил в контекст собственных измышлений, клеветы и умаления светлых имен.

При этом Андреев заручился поддержкой рецензентов (канд. истор. наук А.А. Терентьев, О.В. Альбедиль). Однако никакого веса разбираемой книге это не придало, как не придало его и издательство Санкт-Петербургского университета, которое и выпустило в свет опус Андреева. Скорее наоборот, они оказались втянутыми в нечто совершенно далекое и от науки, и от элементарной порядочности. Если бы участники этой «поддержки» хотя бы немного разобрались в крайне невежественном характере данного издания, то они впредь были бы осторожными в содействии выходу подобной продукции, позорящей и науку, и саму издательскую деятельность.

2. За пределами «расследования»

Вне поля внимания автора книги осталось то основное, что всегда необходимо учитывать перед тем, как подходить к теме, связанной с Великими Учителями человечества, а именно: необыкновенная распространенность, многогранность и глубокая древность самого сюжета Учителя, как высшего ведущего начала в эволюции человеческого сообщества. Еще со времен развития мифологического вида мышления культурный герой, Учитель, духовный наставник, который нес людям новые знания, был всегда основой этой эволюции, что отображено в легендах и сказаниях разных народов планеты. Многие из них связаны с Заповедной Страной и живущими в ней Мудрецами, или Великими Учителями. Сама широкая распространенность и потрясающая живучесть этих сказаний не может не иметь реального источника формирования целой системы преданий о Великих Учителях и о скрытых местах их постоянного пребывания. Здесь вполне правомерно говорить именно о системе, что в частности, подтверждается масштабными исследованиями Н.К. Рериха многих аспектов, как самих древних преданий, так и современных свидетельств.

Итак, культурная традиция многих народов, от Атлантики до Китая, в той или иной форме содержит в своих самых сокровенных глубинах информацию о священном Граале и именуемой по-разному Заповедной Стране, о живущих там великих Подвижниках духа, Учителях и их таинственных посланцах. Так, немалое место в древних источниках и сказаниях отводится легендарному Острову – обители Сынов Света: «Рамаяна» и «Махабхарата» знают великий Белый Остров (Швета-Дви́па). Древний даосский текст также повествует об острове Учителей. Кроме того, известно, что древние китайцы верили в острова Блаженных – Пэнлай. Древнегреческий эпический поэт и мыслитель Гесиод

также упоминает об островах Блаженных, где живет божественный род героев. К этим и другим подобным свидетельствам остается добавить, что существует древняя легенда, согласно которой когда-то в Центральной Азии к северу от Гималайских гор располагалось море, в котором находился очень красивый остров. «Остров этот, согласно традиции, – пишет в своем исследовании Р.Я. Рудзитис, – существует и по сей день в виде оазиса, вокруг которого простирается ужасающая огромная пустыня Гоби... Все Иерофанты греческих школ сообщали, что такой остров существует»³⁷.

Если говорить об элинах, то о Гималайском Братстве знали и пифагорейцы. Кроме того, уже в другое время, выдающийся греческий философ и подвижник Аполлоний из Тианы, живший в I веке, совершил путешествие в Индию с целью посетить Великих Мудрецов. Ему удалось достичь таинственного Братства, где Аполлоний находился несколько месяцев. Это путешествие описано в труде Флавия Филострата «Жизнь Аполлония Тианского»³⁸ (III век), который основывался на рукописях, оставленных очевидцем, и на устных традициях. Важные сведения о посещении Аполлонием Тианским Севера Индии содержатся в одноименной главе сборника ценнейших преданий «Криптограммы Востока»³⁹, собранном Е.И. Рерих (книга вышла под псевдонимом Ж. Сент-Илер).

Традиция Запада во многом соприкасается с Заповедной Страной через священный Грааль. Е.И. Рерих в одном из своих писем отмечала: «Несомненно, легенда о Св[ятном] Граале и Парсифале, как и большинство общенародных сказаний, пришла с Востока и напитала собою всю средневековую литературу Запада»⁴⁰. Древнегерманский эпос о Лоэнгрине повествует о том, что святой Грааль хранится в далекой Индии, среди неизвестных, широко распростершихся горных пиков, где находится и община великих героев и прекрасный замок Грааля. Сюжет появившегося в Индии Святого Замка присутствует и в поэме Альбрехта фон Шарфенберга (XIII в.) «Новый Титурель», который исследователи считают более поздним, чем древнегерманский эпос о Лоэнгрине и который автор посвящает легендарному и загадочному индийскому священнику-царю Иоанну и роли Грааля в Индии. В «Новом Титуреле» Братство Грааля отправляется в Индию к высоким горам, в тайное недоступное место. А в легенде древних кельтов о Мерлине хранители Грааля направляются также на Восток. Представляют интерес и свидетельства ученого XVII века Томаса Вогана, который в своих трудах пишет о Высшем Братстве (его книга «Lumen de Lumini», 1693) и о Невидимой Горе, где живут Мудрецы.

Конечно, старинные церковные хроники и другие источники уделяли большое внимание знаменитому Пресвитеру Иоанну, который стоял во главе Братства в Сердце Азии. Впервые о нем упоминается в начале XII века, и был он настолько популярен, что разговоры об этом таинственном правителе не прекращались до конца XVII века. Им интересовался Папа Евгений III, а в хрониках упомянуты письма от Пресвитера Иоанна к представителям светской и церковной власти Европы: императору Византии Мануилу Комнину, римскому императору Фридриху I, французскому королю Людовику VII, Папе

Александр III, одному из португальских королей и др. Известно, что крупнейшие библиотеки Западной Европы содержат более сотни разных рукописей, в которых приведен текст письма Пресвитера Иоанна к императору Мануилу. В XII веке Папа Александр III послал к Пресвитеру Иоанну своего посланника, а в XIII веке Папа Иннокентий IV отправил на Восток миссионеров, которым помимо их прямого задания, поручалось разыскать этого таинственного правителя. Е.И. Рерих писала: «Из истории мы знаем, что один из Пап (Александр III) снарядил Посольство в Среднюю Азию к Пресвитеру Иоанну. Но можно себе представить, с какою целью отправлялось подобное Посольство, и, конечно, после многих невзгод и мытарств Посольство это вернулось восвояси, не найдя Духовной Цитадели. А Пресвитер Иоанн продолжал посылать свои грамоты»⁴¹. И еще: «Думаю, что среди исследований германских ученых о Пресвитере Иоанне Вы найдете богатый материал. Имеется еще недурная книга англ[ийского] автора Артура Вайта “О Св[ятом] Граале, его легендах и символизме”. В этой книге довольно исчерпывающе приведены источники, которыми пользовался автор при своих изысканиях, имеются и упоминания о Пресвитере Иоанне с титулом Царя Царей, Владыки среди Владык и т.д. В конечном результате все легенды и сказатели и исследователи их помещают царство Пресвитера Иоанна в Среднюю Азию⁴², в область, называемую на карте “но ман’с лэнд”⁴³. <...> Также отзвуки этой Таинственной Обители можно найти в старообрядческих преданиях о славянском Царстве, Китеж-Граде и Беловодье. В некоторых из них указан и путь к нему, причем в слегка искаженных названиях можно легко узнать среднеазиатские горные кряжи»⁴⁴.

Свидетельства о таинственной общине Святых можно встретить и в сказаниях русского народа. Они присутствуют в легендах о Белых Горах, Белом Острове, Белом Источнике или Белых Водах – Беловодье. Рассказы об этом священном месте нашли отражение и в экспедиционном дневнике Н.К. Рериха «Сердце Азии». «В некоторых сокровенных записях намечается и путь к этому месту, – записывал Николай Константинович. – Опять географические указания места умышленно запутаны или произнесены неправильно. Но даже и в этом неправильном произношении вы можете различить истинное географическое направление, и это направление, не удивляйтесь, опять ведет вас к Гималаям»⁴⁵.

Николай Константинович и Елена Ивановна обладали большими познаниями о традиции, связанной с Заповедной Страной и Великими Учителями, основываясь не только на личном опыте (встречи, а также собранные ими свидетельства на маршруте Центрально-Азиатской экспедиции), но и на знании исторических источников и свидетельств, трудов различных исследователей и, разумеется, огромного легендарного пласта. В одной из книг Живой Этики Е.И. Рерих писала о многих предупреждениях и наставлениях, которые посылались человечеству. «Сопоставьте смысл, – записывает далее она, – поучений Пифагора с письмами пресвитера Иоанна, с деятельностью Сен-Жермена и письмами Махатм и везде найдете заботу об оздоровлении человечества. Пусть наставления даны на различных языках и носят следы современной им эпохи, но поучительно следить за основами этих

посланий. Люди иногда считали такие писания подложными. Но разве не бросается в глаза, что в разные века жила одна мысль? Многие послания приписывались определенным лицам, но еще больше существует писаний анонимных. Можно видеть, как они проникали в разные страны и имели своих последователей. Нужно изучать эту огромную литературу, ибо она не собрана и не сопоставлена по внутреннему смыслу»⁴⁶.

В середине XX века было впервые обнародовано «Сокровенное сказание о Беловодье»⁴⁷, которое до этого на протяжении 900 лет передавалось из уст в уста. В нем содержались сведения об удивительной стране на Востоке и монахе, отце Сергии, который совершил туда путешествие, будучи поставленным во главе специального тайного посольства на Восток в Заповедную Страну великим русским князем Владимиром Красное Солнышко. Отец Сергий вернулся лишь через 49 лет. Его свидетельство, пережив века, стало еще одним ценным источником о священной Обители и о пребывающих в ней Великих Мудрецах.

Итак, очень многие источники указывают на Восток, и именно там имеют наибольшее распространение свидетельства об Учителях, или Махатмах, о Заповедной Стране справедливости и знания – Шамбале, расположенной в труднодоступных долинах горных лабиринтов Азии.

Здесь мы кратко затронули лишь крайне малую часть мировой культурной традиции, связанной с Братством Учителей. Прикасаясь к ней, исследователь не может игнорировать мировой культурно-духовный контекст, имеющий отношение к ее многообразным проявлениям. Но Андреев смог, представив читателю некий предвзятый многостраничный конгломерат, наполненный его собственными домыслами, приводящими к откровенной клевете и оскорблениям, в том числе в адрес Великих Учителей, что будет показано ниже. Но уже здесь нельзя не сказать о таком лживом утверждении Андреева, как то, что Е.П. Блаватская и Е.И. Рерих подали недостоверные или «попросту сфантазированные или даже сфальсифицированные» свидетельства о Махатмах и их Братстве⁴⁸. При этом Андреев на протяжении своего повествования совершенно не доказал этого, а скорее напротив – засвидетельствовал о своей полной некомпетентности и потрясающей невежественности. Знакомясь же непосредственно с трудами и Е.П. Блаватской, и Рерихов мы убеждаемся именно в достоверности всего, что они пишут о Великих Учителях, особенно, если учесть, что их опыт находится в русле затронутого выше мирового контекста разнообразных свидетельств относительно этой обширной и сложной темы. Но Андрееву нет дела ни до этого контекста (ибо он попросту мешал бы ему), ни до честного и непредвзятого осмысления духовного опыта великих русских ученых и мыслителей; он пытается навязать читателю свой собственный сценарий. Поэтому, мы и сталкиваемся со следующей, спешно заявленной уже в аннотации, глупостью (по-другому это весьма сложно определить): Гималайское Братство, а значит и древнейшая на планете многослойная и необыкновенно богатая традиция, слагавшаяся тысячелетиями, относится в книге Андреева к так называемым «новым мифам» или «теософским мифам»! Тогда о каком «документальном расследовании» вообще

идет речь? Расследовать, конечно, можно и собственные предвзятые идейные установки, а попросту говоря вымыслы.

3. А судьи кто?

Отрабатывая название своей книги, Андреев обращает свой сыщнический интерес против Елены Петровны Блаватской: он пишет специальную главу, в которой предпринимает попытку ее «разоблачить». Но в своем рвении он как-то упустил из виду, что все, те события, которые он старается воскресить, уже давно получили соответствующую оценку. Роль главных обличителей Андреев отводит Эмме Куломб с некими письмами к ней якобы от Е.П. Блаватской и эксперту Общества Психических Исследований (ОПИ) Ричарду Ходжсону с его известным отчетом. Письма, как указывает Андреев, содержали «инструкции как производить “феномены” в ее [Е.П. Блаватской. – В.С.] отсутствии для привлечения в ТО состоятельных персон»⁴⁹. Далее Андреев заключает: «И письма, и отчет прямо уличали Блаватскую в преднамеренном обмане публики – фальсификации “феноменов” и подделке посланий тибетских Братьев. В частности, графологическая экспертиза установила, что письма махатм были написаны самой Блаватской и одним из ее помощников, молодым брамином Дамодаром Маваленкаром»⁵⁰. Здесь и далее Андреев дает ссылку на пересказ отчета Ходжсона Всеволодом Соловьевым, который содержится в его книге «Современная жрица Изиды». Такой выбор источника очень показателен, т.к. Всев. Соловьев, которого сама Е.П. Блаватская назвала «Яго теософии», крайне отрицательно относился к ней, что выразилось в откровенной и злостной клевете в ее адрес. О его вышеназванной книге, вышедшей почти сразу после смерти Е.П. Блаватской, известный математик П.Д. Успенский писал: «Книжка Всеволода Соловьева “Современная жрица Изиды” <...> полна мелкой, не совсем понятной для читателя злобы, и вся состоит из сыщнического описания подсматриваний, подглядываний, выпрашиваний у прислуги и, вообще, мелочей, мелочей и мелочей, которые проверить читатель не может. А главное, т.е. книги Блаватской, ее жизнь, ее идеи, точно совсем не существует для автора...»⁵¹. А известный публицист конца XIX века В. Буренин, «человек сугубо материалистичный и даже циничный» в своем отклике на статьи Всев. Соловьева в «Русском вестнике» писал: «В течение почти целого года <...> г. В.С. Соловьев производит следствие в *Русском вестнике* о покойной Е.П. Блаватской ... Следствие г. В.С. Соловьева занимает двадцать девять пространных глав... В этих двадцати девяти главах... [он] доказывает читателям с необыкновенным усердием, что покойная Блаватская была порядочная шарлатанка ... Он, не разбираясь, валит на покойницу с каким-то даже ожесточением бездну всяких обвинений, чернит ее всеми способами, причем часто пускает в ход способы недозволенные... Грязи, и притом самой бесцеремонной, наш изобличитель валит на “современную жрицу Изиды”... столько, что ее достало бы, вероятно, для целого огромного кургана над свежей

могилой этой русской женщины...»⁵². Однако для «расследования» Андреева Всев. Соловьев – это ценный свидетель, в чем он сам и признается, замечая, что свидетельство Всев. Соловьева «как правило, игнорируется и не принимается всерьез теософами, ввиду его откровенно разоблачительного характера, а между тем это ценнейший источник сведений о “настоящей Блаватской”, проливающий свет на тайну ее учителей, махатм»⁵³. Вот зачем Андрееву нужен этот «источник», ибо цель, которая перед ним стоит, ясно обозначена в самом названии книги. Кстати, по какому-то странному стечению обстоятельств «расследование» Андреева в общей сложности содержит практически столько же глав, что и «следствие» Соловьева – у Андреева их тридцать.

Чего же стоят на самом деле и письма от Э. Куломб, и пресловутый отчет Ходжсона, и так называемая “графологическая экспертиза” будет показано ниже. В целом этот хитрый ход Андреева рассчитан лишь на читателя, не знакомого с реальными фактами дела Куломбов – Ходжсона, которые изложены не в пересказе Всев. Соловьева, а в авторитетном труде американской исследовательницы С. Крэнстон о жизни и творчестве Е.П. Блаватской, над которым она работала более десяти лет. Подчеркнем еще раз, что на книгу С. Крэнстон Андреев неоднократно ссылается, но вот именно в этом месте, т.е. в специальной главе «Разоблачение», таких ссылок нет. Итак, Андреев подбрасывает читателю мысль о якобы разоблачении Куломбами и Ходжсоном Е.П. Блаватской. То, что было в действительности, довольно подробно излагает С. Крэнстон в своем исследовании, из которого становится ясно, откуда взялась озвученная Андреевым клевета по поводу так называемого «преднамеренного обмана публики», в том числе и якобы подделанных письмах Махатм.

О том, что представляла из себя Э. Куломб, Е.П. Блаватская вполне догадывалась, о чем писала в письме А.П. Синнетту: «Она начала строить планы предательства еще в 1880 году, с первого же дня, как только очутилась со своим мужем в Бомбее [в штаб-квартире ТО]»⁵⁴. Несколькими годами позднее, после выговора, сделанного Е.П. Блаватской Эмме Куломб, по поводу попытки последней выманить пару тысяч рупий у одного богатого раджи, Эмма, не простив такого обнаружения своих намерений, поклялась отомстить. Закончилось все тем, что супруги Куломбы были исключены из членов Теософского Общества, в частности Эмма Куломб – за вымогательство, шантаж, клевету и злоупотребление денежными средствами Общества. Ее супруг Алексис Куломб также отличился нелицеприятными действиями. В штаб-квартире организации, в спальне Е.П. Блаватской (которая была в это время в отъезде) он пытался сделать отверстие в стене, проходившей между этой спальней и соседней комнатой. «Там, напротив отверстия, висел шкафчик, прозванный “киотом”, потому что в нем хранились портреты индийских учителей Е.П.Б. и кое-какие памятные вещицы из Тибета. С “киотом” было связано множество *апортов* (так исследователи психических явлений обычно называют перемещение объектов феноменальным образом). Алексис явно собирался вывести отверстие точно за “киотом”, ибо когда Куломбы “сознались”, что помогали Е.П.Б. в фабрикации феноменов, они заявили, что

один из них через это отверстие, якобы потом частично заделанное, подкладывал в “киот” необходимые письма и другие предметы»⁵⁵. И так, несмотря на то, что отверстие в стене так и не было доделано, Куломбы все равно, преследуя свои цели, дали лживые показания насчет фальсификации феноменов. За так называемое “разоблачение” Куломбы получили денежное вознаграждение – около сотни рупий от директора Христианского колледжа⁵⁶. (Здесь нужно заметить, что деятельность Е.П. Блаватской очень мешала религиозному господству некоторых миссионерских кругов в Индии).

Теперь о том, откуда взялась информация о якобы имевшей место переписке Е.П. Блаватской и Э. Куломб. Это важный момент, ибо из того, что пишет Андреев в своей главе «Разоблачение», следует: именно обнаружение Эммой Куломб в миссионерском журнале ряда писем к ней будто бы от Е.П. Блаватской явилось «свидетельством» того, что феномены были подстроены. Здесь необходимо отметить хорошо известный факт значительного сходства почерков Е.П. Блаватской и Алексиса Куломба, что открывало дорогу к подделке писем. Об этом сходстве знали и некоторые теософы, и сама Е.П. Блаватская. Так, она писала А.П. Синнету: «Почерк Алексиса Куломба и впрямь похож на мой. Все мы знаем, как Дамодар был однажды введен в заблуждение запиской, написанной моим почерком... <...> Но если он сумел так хорошо подделать мой почерк в записке, почему бы ему было не скопировать (целых четыре года он мог тренироваться и копировать) все мои письма и записки к м-м Куломб на такой же бумаге, внося любые нужные ему изменения?»⁵⁷.

В 80 гг. XX в. результаты независимого исследования д-ра Вернона Харрисона (крупного специалиста в деле экспертизы сомнительных документов и методов, которыми пользуются фальсификаторы⁵⁸) подтвердили значительное сходство в почерках Е.П. Блаватской и А. Куломба. «Харрисон указывает, что “если г-жа Блаватская была подозреваемой [в этом деле], то это в полной мере относится и к Куломбам. Правильная процедура [расследования] предполагает, что *компрометирующие фрагменты* писем Блаватская – Куломб должны были быть представлены в отчете вместе с признанными образцами почерков г-жи Блаватской, м-ра Куломб и мадам Куломб. Этого сделано не было; и такое упущение совершенно непростительно”. “После этого, – заявляет Харрисон, – он [Ходжсон] утратил право называться беспристрастным исследователем. Он превратился во враждебно настроенного свидетеля, и рассматривать его следует именно таким образом”»⁵⁹.

Как видно, дело о подложных письмах напрямую связано с отчетом Ходжсона для Общества Психических Исследований, обнародованным в 1885 г. Этот отчет опирался на заявление Куломбов, которое они сделали годом раньше. Впоследствии вице-президент ОПИ физик и писатель У.Ф. Барретт и другие деятели Общества признавали, что отчет Ходжсона дискредитирует репутацию их организации. Это же Общество психических исследований уже в 1986 г. выпустило специальное сообщение, где речь шла о несостоятельности так называемого «разоблачения» Е.П. Блаватской от 1885 г., что подтверждается убедительной критикой отчета Ходжсона, с которой выступил

д-р В. Харрисон. В этом сообщении говорилось о том, что согласно исследованиям Харрисона, письма, предоставленные Куломбами (предъявлены как доказательство мошенничества во время демонстрации психических феноменов) и приписываемые Е.П. Блаватской, на самом деле являются поддельными; они написаны ее бывшими служащими как особый вид мести Елене Петровне. (Ходжсон же считал их подлинными). В сообщении речь также шла и о письмах совершенно иной группы, которые были написаны Великими Учителями, или Гималайскими Махатмами, и относительно которых Ходжсон высказал мнение, что они написаны Е.П. Блаватской и некоторыми ее сотрудниками. Д-р Харрисон же доказывает, что письма Махатм (ныне хранятся в Британской библиотеке) написаны почерком, не имеющим ничего общего с почерком Е.П. Блаватской или с его намеренным изменением⁶⁰. «Подробности этого анализа, – отмечает С. Крэнстон, – можно найти в сообщении самого д-ра Харрисона. Доказательства Ходжсона, утверждает он, подводя итог своего исследования, настолько слабы, непрофессиональны и сбивчивы, что так можно “доказать” все что угодно – к примеру, что “Е.П.Б. написала *Гекльберри Финна*” или что “автором *Тайной Доктрины* был президент Эйзенхауэр”»⁶¹. Сразу после данного фрагмента от редакции подана любопытная сноска: «Д-р Харрисон убедительно демонстрирует это в своей статье, сопоставляя по методике Ходжсона почерки Блаватской, Марка Твена и Эйзенхауэра»⁶².

Итак, как бы ни старался Андреев, опираясь на уже давно разоблаченных мошенников, письма Махатм – это действительно Их письма, о чем всегда было известно и что является одним из многих доказательств реального существования Великих Учителей. «Насколько глубоко лучшие сердца Востока были уверены в существовании Учителей высшего Знания, – пишет Р.Я. Рудзитис, – показывает яркий пример, о котором упоминает Е. Писарева в труде о Блаватской: в связи с обвинением Блаватской в фиктивности ее общения с будто бы не существующими Учителями Мудрости, в американской газете “Boston Courier” за 18 июля 1886 г. появился протест, подписанный 70 пандитами-учеными из Негапатама, колыбели знатоков древних религиозных учений Индии. Эти ученые мужи утверждали, что Махатмы ни в коем случае не измышление Блаватской, но Высшие Существа, в существовании которых никто из просвещенных индусов не сомневается и которых “знали наши деды и прадеды и с которыми и в настоящее время многие индусы, ничего общего с Теософским обществом не имеющие, находятся в постоянных сношениях. Мы владеем многими средствами для доказательства достоверности этих фактов, но у нас нет ни времени, ни охоты доказывать это европейцам”. Эту статью затем перепечатали многие газеты в разных странах»⁶³.

Учитывая все вышесказанное по делу Куломбов – Ходжсона, становится понятным почему Андреев обошел довольно объемный и глубокий материал по данному делу, содержащийся в книге С. Крэнстон, а счел необходимым в своем «расследовании» сослаться лишь на пересказ все того же пресловутого отчета Ходжсона. Иными словами, Андреев решил воскресить так называемое «разоблачение», предпринятое в свое время вышеназванными мошенниками,

несмотря на то, что оно полностью опровергнуто, как реальными свидетельствами о жизни Е.П. Блаватской, так и проведенными более двадцати лет назад авторитетными исследованиями д-ра В. Харрисона. Нечистоплотность и предвзятость Андреева как исследователя – налицо. Поэтому, он только и в состоянии «призвать в свидетели» мошенников, выдумщиков и клеветников – чету Куломбов, Ходжсона, Всева, Соловьева, суть деятельности которых уже давно раскрыта. Но многие читатели зачастую просто не знакомы с подробностями жизни и творчества Е.П. Блаватской, на что и сделал свой главный расчет Андреев. При этом попытка очернить имя великой русской подвижницы ему показалась недостаточной. Ведь после ее ухода из жизни контакты Учителей с выдающимися представителями своего времени были продолжены. А поскольку задача Андреева остается все той же: вопреки многочисленным фактам навязать читателю идею, вынесенную в заголовок книги, то свои «исследовательские» методы он обратил на тех, кто общался с Великими Учителями.

4. «Опровержение» с выездом на место событий

Не надо быть провидцем, чтобы сказать, кто следующий в списке Андреева. Конечно же, это выдающиеся русские ученые и мыслители – Николай Константинович и Елена Ивановна Рерихи, вся жизнь и все творчество которых было неотъемлемо от Тех, с существованием которых Андреев никак не может смириться. Он с прежним усердием сплетает свой сценарий, снова делая расчет на неосведомленность читателя, и опять же упуская из виду те источники, которые опровергают его логику изложения.

Так, Андреев предпринимает попытку доказать, что знаменитой встречи Е.И. Рерих с Учителями в Лондоне на самом деле не было. Разумеется, в свидетельстве самой Елены Ивановны об этой встрече «следствие» не нуждается. За основу же автор берет записи Зинаиды Григорьевны Фосдик – близкой сотрудницы Е.И. и Н.К. Рерихов, человека, без сомнения, преданного им. Записи З.Г. Фосдик, а точнее выдержки из дневника, составили основу изданной в свое время книги «Мои Учителя». Из этой книги Андреев приводит следующие строки о встрече Е.И. Рерих с Учителями: «... когда толпа расступилась, и она увидела Их и поразились открытой улыбкой ей М.К.Х. и даже обиделась на это. Придя домой, сказала, что, по ее мнению, – это Учителя, ибо они такие необыкновенные, но над ней дома смеялись. Они были [в Лондоне] в марте, затем уезжали, в ноябре были опять и тогда (в 1920 г.) она Их видела. Они приезжали специально их видеть»⁶⁴. «То есть, – пишет далее Андреев, – речь, фактически, идет о двух встречах – сперва махатмы только показались Е.И., чем очень ее смутили, а затем, полгода спустя (!), вступили с ней в непосредственный контакт. Только вот в ноябре 1920 г. Рерихи находились уже не в Лондоне, а в Нью-Йорке! Следовательно, мартовская встреча Е.И. с махатмами была единственной»⁶⁵.

Прежде, чем прокомментировать этот фрагмент из книги «Мои Учителя», необходимо сказать несколько слов о самом источнике. В этой книге, по

существо, были обнародованы глубоко личные записи З.Г. Фосдик, которые она делала исключительно *для самой себя*, но не для их публикации (судя по стилю, записанное не редактировалось автором). К тому же, личный дневник, как правило, несет в себе и глубоко личное восприятие информации, свойственное сознанию конкретного человека. О том, что это восприятие у З.Г. Фосдик было далеко не идеальным (что, в результате отражается на точности изложения полученной информации), убедительно показано в работе современного исследователя эпистолярного и философского наследия Е.И. Рерих Т.О. Книжник «Плоды просвещения», в которой приводятся яркие свидетельства, судя по всему невольного, но кардинального искажения фактов из жизни Е.И. Рерих и Н.К. Рериха⁶⁶. «Записи З.Г. Фосдик, сделанные якобы со слов Рерихов, во многом не соответствуют мнению самих Рерихов по тем же вопросам, – пишут другие исследователи. – <...> Очевидную неточность в передаче мыслей самих Рерихов можно объяснить тем, что дневниковые записи Зинаида Григорьевна делала, как правило, в конце дня. Записывая вечером или поздней ночью события, происшедшие за день, и услышанные в течение дня беседы с Рерихами, она в нескольких строках пыталась передать очень объемное и глубокое содержание – вернее, те моменты, которые отложились в ее сознании. При всем уважении к З.Г. Фосдик, надо отметить, что она далеко не всегда вмещала широту и космичность идей Рерихов, о чем и писала в своем дневнике...»⁶⁷.

Учитывая вышесказанное, необходимо с осторожностью подходить к приведенному фрагменту о встрече из дневника З.Г. Фосдик, который по уже названному ряду причин *нельзя рассматривать как серьезное свидетельство*, но который Андреев все же положил в основу своих умозаключений. Последние – это еще одна сложность, с которой сталкивается читатель в и без того не простом контексте. Дело в том, что из не очень связного текста З.Г. Фосдик не следует, что Е.И. Рерих в ноябре видела Учителей *именно в Лондоне*. К тому же, этого, конечно, не могло быть, т.к. уже в октябре 1920 года Рерихи прибыли в Америку, о чем не могла не знать З.Г. Фосдик. Также нельзя не заметить, что из текста Зинаиды Григорьевны совершенно не серьезно делать вывод, что Махатмы «только показались» Елене Ивановне. З.Г. Фосдик вообще не касалась подробностей самой встречи. Но Андрееву необходима эта якобы мимолетность, так как уже относительно ноябрьской встречи он пишет о некоем «непосредственном контакте» (опять же не понятно, на каком основании Андреев оценивает сам уровень встречи), а эту встречу в ноябре Андреев исключает. Значит, и была, как следует из его домысливания, лишь встреча мимоходом («махатмы только показались») в марте.

Андреев, усилив слова З.Г. Фосдик о том, что якобы над Е.И. Рерих «дома смеялись» (что, учитывая сказанное выше об особенностях дневниковых записей Зинаиды Григорьевны, могло вовсе и не иметь места) своим домыслом, что близкие «подняли ее на смех» (и даже высказывает свою версию, почему это могло случиться!)⁶⁸, в конце концов, приходит к такому заключению: «Таким образом, свидетельство Елены Рерих не может считаться достоверным. Даже если допустить, что она действительно видела в Гайд-парке каких-то двух

необыкновенных индусов, из этого никак не следует, что индусы эти были махатмами. Что же касается версии Л.В. Шапошниковой, то это не более чем литературная импровизация, лишенная какой-либо достоверности»⁶⁹.

Под вышеназванной «версией» Андреев подразумевает приводимый им фрагмент из статьи Л.В. Шапошниковой «Учителя» о памятной встрече Е.И. Рерих с Великими Учителями в Лондоне⁷⁰. Что же не устроило «следователя» в приведенном Л.В. Шапошниковой описании? Все дело в том, что, как отмечает Андреев, то, о чем пишет Л.В. Шапошникова в своей работе «в ряде моментов не совпадает с рассказом самой Е.И., в котором, как мы видели, речь идет только о мимолетном лицезрении махатм “в толпе гуляющих”»⁷¹. При этом, как мы видим, слова З.Г. Фосдик Андреев без всяких уточнений уже называет «рассказом самой Е.И.»! Далее, реагируя на то, что в приводимом Л.В. Шапошниковой описании встречи Е.И. Рерих с Учителями присутствуют слова о шумной толпе у ворот лондонского Гайд-парка, Андреев как заправской следователь приводит собственные впечатления (!) непосредственно с места событий. «Мне часто доводилось, – пишет он, – бывать в Гайд-парке, но я никогда не видел там большого скопления посетителей, во всяком случае, при входе в парк с южной стороны (со стороны Кенсингтона). Напротив, Гайд-парк в будний день производит впечатление места довольно пустынного»⁷². Очевидно, что уже сам по себе этот запоздалый «выезд на место события» (напомним, что встреча произошла в 1920 году) вообще не может служить каким-либо доводом. Кроме того, о том, что во время этой первой встречи Е.И. Рерих с Учителями вокруг отнюдь не было пустынно, свидетельствует и упоминание о ней в одной из книг Живой Этики, из которого ясно видно, что другие люди там все же были и что они, как и отмечает Л.В. Шапошникова, действительно рассеялись⁷³.

Как было показано выше, у Андреева совершенно нет никаких оснований для того, чтобы опровергнуть реальность лондонской встречи Елены Ивановны с Учителями, а используемые им методы для подобного опровержения по меньшей мере смешны. Привести же слова самой Е.И. Рерих Андреев вообще не удосужился. Она писала: «Во время пребывания в Лондоне после встречи с В[еликими] Уч[ителями], после Их близкого подхода начался ряд замечательных явлений»⁷⁴. Опровергнуть это намного сложнее, чем развивать или домысливать дневниковую запись З.Г. Фосдик, которую Андреев называет «рассказом самой Е.И.» или «свидетельством Елены Рерих» и которую, по указанным выше причинам, вряд ли можно полагать в основу серьезных выводов.

5. «Следствию» нужен «другой Рерих».

Стремясь достичь главной цели своего «расследования», Андреев, прежде всего, пытается бросить тень на самих Рерихов, для чего, например, он принялся старательно собирать высказывания о Н.К. Рерихе различных лиц, но, непременно, отрицательного характера. Андреев явно доволен своей подборкой.

«... И вновь с удивлением мы видим перед собой неизвестного нам, “другого” Рериха...»⁷⁵, – пишет он, предваряя, как сам ниже заметит, «довольно резкую и злую характеристику»⁷⁶, данную Николаю Константиновичу С.А. Щербатовым. Андрееву необходимы эти мнения особого рода, которые представили бы читателю «другого Рериха», созданного человеческим непониманием, завистью, а где-то и просто слухами. Дать же объективную картину не по предвзято подобранным, искажающим истинный облик Н.К. Рериха, высказываниям, а по работам самого Николая Константиновича⁷⁷, а также по трудам таких крупных и широко признанных его биографов, как П.Ф. Беликов и Л.В. Шапошникова, автор «расследования» не сподобился.

Более того, правдивый и достойный материал о Н.К. Рерихе вызывает у него резко отрицательные эмоции, как случилось со статьей Леонида Андреева «Держава Рериха». Очевидно, что своим очень уважительным отношением к Николаю Константиновичу и его творчеству эта статья пошла вразрез с основной идеей «расследования». Именно поэтому она представлена «следователем» как пример «шумной рекламы в прессе», которой якобы сопровождалась выставочная деятельность Н.К. Рериха. Обратим внимание, что это подано в контексте пребывания Николая Константиновича в Скандинавии и его персональных выставок там. Между тем, статья «Держава Рериха» была написана Леонидом Андреевым в 1917 году⁷⁸, но никак не «к открытию выставки в Гельсингфорсе весной 1919 г.»⁷⁹, как значится в «расследовании». А в 1917 году Н.К. Рерих с семьей был в Карелии в связи с плохим самочувствием, и лишь в конце марта 1919 года семья Рерихов выехала из Финляндии. В адрес же самой статьи, а значит и в адрес ее автора – выдающегося русского писателя – были брошены оскорбительные слова, наподобие: «насквозь пропитанный льстивой патокой трехстраничный панегирик»⁸⁰. Автор анализируемой книги, пытаясь выдать желаемое за действительное, из почти двух страниц оригинального текста «Державы Рериха» с помощью многочисленных выписок в тексте составил десятистрочную цитату, в которой присутствует немало восторженных оборотов Леонида Андреева. Конечно, то, что получилось, не может дать читателю ни малейшего представления о характере статьи русского писателя и ее подлинном смысле. Зато тот, кто сотворил это, явно пытался навязать читателю свой очередной вымысел, ибо надерганные фрагменты (поданные как цитата!) предваряются такими словами: «Статья эта представляла собой поток неумеренных славословий»⁸¹.

О самой статье «Держава Рериха» хотелось бы привести точку зрения заслуженного работника культуры России, канд. искусствоведения А. Алехина: «Небольшое эссе покоряет и глубиной содержания, и красотой слога. Это и литературный перл, и глубокая оценка художника художником»⁸².

Трудно сказать, знает ли Андреев о том, что высокую оценку различным областям деятельности Н.К. Рериха дали многие выдающиеся люди, как современники Николая Константиновича, так и те, кто постигал его неопенимый вклад в мировую культуру годы спустя. Среди них: премьер-министры Индии Джавахарлал Неру и Индира Ганди, физик А. Эйнштейн,

писатели – Л.Н. Толстой, Р. Тагор, Вс. Иванов, Н. Тихонов, космонавты – Г.М. Гречко, В.И. Севастьянов, А.Н. Баландин, академик РАН, почетный гражданин Санкт-Петербурга Д.С. Лихачев, академик РАН А.Л. Яншин, народный художник РФ, главный ученый секретарь президиума Российской академии художеств М.М. Курилко-Рюмин и многие другие. Может быть, и их слова о великом сыне России Андреев также попытается оценить в том же духе, что и вышеназванную статью. Правда, для этого ему понадобится написать целую книгу. Однако, вряд ли «расследованию» будут интересны мнения выдающихся деятелей науки и культуры.

Слухи и домыслы недоброжелателей для Андреева куда привлекательней: «он к себе не “подпускал”, – приводит он очередное «свидетельство» об Н.К. Рерихе, – и, по-видимому, очень был занят своей блестящей карьерой. Одним из первых художников “Мира искусства” был сделан академиком, а под конец метил и в “генералы”. Были слухи, что он легко мог получить и камергерский ключ»⁸³. Однако факты свидетельствуют именно о том, что Н.К. Рериху был чужд всякий карьеризм, что, кстати говоря, отразилось в истории с так называемым «камергерским ключом». «Принцесса Ольденбургская, – пишут П.Ф. Беликов и В.П. Князева, – мечтая иметь в покровительствуемой ею школе именитого директора, готовилась представить Рериха к званию камергера его императорского величества. Узнав об этом, Николай Константинович решительно запротестовал, заявив, что до конца своих дней намерен подписывать и выставлять свои картины как “художник Рерих”, а не как “камергер Рерих”. На этом “придворная карьера” Николая Константиновича, не успев начаться, оборвалась»⁸⁴. Кроме того, известны случаи отказа Н.К. Рериха от золотых медалей на выставках в Милане и Брюсселе. В «Листах дневника» можно найти такую запись самого Николая Константиновича: «Удивительно, как часто врут критики даже там, где им легко бы избежать этого. Сергей Маковский сообщает, что он бывал в моей мастерской в Академии Художеств, когда писалось “Сокровище ангелов”, и картина эта была мною уничтожена. У меня не было мастерской в Академии Художеств, и “Сокровище ангелов” не было уничтожено. Он же сообщает, что я посещал Врубеля в Москве, в лечебнице Усольцева – не бывал там. Грабарь фантазирует о какой-то волшебной пещере, нами открытой, и мною другую небывальщину. Бенуа инсинуирует многократно»⁸⁵.

С русским художником и историком искусства И.Э. Грабарем Н.К. Рерих был в переписке и в «Листах дневника» немало пишет о нем. Отметим, что незадолго до своего ухода в своих письмах к И.Э. Грабарю за июнь и октябрь 1947 г. Н.К. Рерих обращается как к дорогому другу, да и сами письма сердечны⁸⁶. Любой честный и непредвзятый исследователь, освещая какие-либо биографические факты, всегда постарается вникнуть во все оставленные свидетельства, чтобы разобраться в таком сложном вопросе, как человеческие взаимоотношения. По всему видно, что это не относится к Андрееву, буквально «вырывающему» из источников те фрагменты, которые он мог бы хоть как-то использовать в своих интересах. Например, он приводит небольшой фрагмент из автобиографии И.Э. Грабаря «Моя жизнь». Н.К. Рерих в своем очерке

«Преодоления» также приводит этот фрагмент, но в обрамляющем его контексте. Предоставим читателю рассмотреть оба эти воспроизведения, чтобы он на конкретном примере еще раз убедился в недобросовестности стиля «работы» Андреева.

Вот отрывок из очерка Н.К. Рериха: «Грабарь в своей автобиографии пишет:

“Вскоре после этого Рерих выступает с серией картин из быта доисторических славян. Все они были талантливы, и Рерих рос не по дням, а по часам. Росла и его административная карьера: <...> Рерих получает назначение секретарем Общества Поощрения Художеств – пост по тогдашнему времени весьма значительный ввиду близости к придворным сферам через всяких великих княгинь, патронесс общества. Понемногу он превращается в “Николая Константиновича” и становится “особой”; с его мнением считаются, перед ним заискивают. Он полноправный хозяин второй петербургской академии – Общества Поощрения. Перед самой революцией была, как говорят, подписана бумага о назначении его действительным статским советником, т.е. “статским генералом”, что было связано с приятным титулом “ваше превосходительство”. Чего больше? В тридцать лет достигнуть всего, о чем можно было мечтать по линии служебной карьеры! Но этого было Рериху, конечно, недостаточно. Он начал собирать нидерландцев.

Но самым главным делом для него оставалась все же собственная живопись. Он еще раз в корне переменяет манеру и художественную установку, вступив в лучший, наиболее блестящий период своей художественной деятельности”⁸⁷.

А теперь приведем фрагмент из книги Андреева. «Известный художник и историк искусства И.Э. Грабарь описывает карьерный взлет Рериха в своих воспоминаниях такими словами: “Понемногу он превращается в “Николая Константиновича” и становится “особой”, с его мнением считаются, перед ним заискивают. Он полновластный хозяин 2-ой петербургской академии – “Общества поощрения”. Перед самой революцией была, говорят, подписана бумага о назначении его действительным статским советником, т.е. “статским генералом”, что было связано с приятным титулом “ваше превосходительство””. И пост, и титул, равно как и постоянное общение с сильными мира сего, все это, разумеется, не могло не льстить самолюбию Николая Рериха»⁸⁸.

Как видно, Андреев непременно старается «уточнить», усилить личную точку зрения И.Э. Грабаря собственными и к тому же безосновательными комментариями, которые, в конечном итоге, создают у читателя нужное «следователю» впечатление от приведенного фрагмента из автобиографии. Кроме того, Андреев приводит и действительно резкие высказывания И.Э. Грабаря о Н.К. Рерихе. Но и здесь надо было бы представить и мнение самого Николая Константиновича. О том, что И.Э. Грабарь мог сказать то, что на самом деле не соответствовало действительности, можно узнать из очерков Н.К. Рериха «Самое утомительное»⁸⁹ и «Выдумщики»⁹⁰. Как можно убедиться и в том, что Игорь Эммануилович мог позволять себе и необоснованные личные замечания (см., например, очерк «Долой осудительство!»⁹¹). Но свидетельства

самого Н.К. Рериха в «расследовании» Андреева находят место лишь там, где они выгодны «следователю» и заранее спланированному им общему контексту.

Например, описывая индийский этап Центрально-Азиатской экспедиции Рерихов Андреев снова делает особую текстовую подборку, но на этот раз из книги Николая Константиновича «Алтай – Гималаи», где описаны некоторые негативные или странные явления из жизни больших городов Индии, заключая все это такими словами: «Та другая прекрасная Индия Духа, которая рисовалась в воображении Рерихам, страна лесных мудрецов-риши, великих философов, поэтов и зодчих, сохранилась лишь в преданиях и памятниках прошлого – “редких обломках ушедшей культуры”...»⁹². Читая Андреева, складывается впечатление, что в современной Индии, кроме, конечно, древностей, можно лицезреть лишь колорит базарной жизни со всем ей сопутствующим и неблагоприятные кварталы портовых городов. «Другой Рерих», а также, по меньшей мере, скупая и однобокая, картина Индии – все это не случайно в андреевском сценарии, так как и имя Н.К. Рериха, и Индия связаны с Махатмами.

Сам же Николай Константинович внимательно наблюдал и отмечал все стороны жизни этой удивительной страны, и в том же путевом дневнике «Алтай – Гималаи» оставил немало именно положительных впечатлений как раз о современной ему Индии. «Седобородый человек на берегу Ганга, сложив чашу рук, приносил все свое достояние восходящему солнцу. Женщина, быстро отсчитывая ритм, совершала на берегу утреннюю пранаяму. Вечером, может быть, она же послала по течению священной реки вереницу светочей, молясь за благо своих детей. И долго бродили по темной водной поверхности намоленные светляки женской души. <...> Обратите внимание на нежные детские игры Востока. Послушайте сложный ритм пения и тихой музыки. Нет грубых бранных слов Запада»⁹³. И еще: «Индия, знаю твои скорби, и все-таки будем вспоминать тебя с тем же радостным трепетом, как первый цветок на весеннем лугу»⁹⁴.

Но Андрееву, как видно, не до сбора и анализа глубокой по смыслу и многоплановой информации, представленной в работах Н.К. Рериха. Ведь его «расследование» изначально идет по следу «другого Рериха», образ которого он сам столь упорно пытается создать на основе либо крайне сомнительных свидетельств тех, кто не понимал смысла работы Николая Константиновича, либо откровенных вымыслов, либо своих постоянных так называемых объяснений, корректирующих до неузнаваемости реальные события.

6. Фантасмагория Андреева, или синдром «недержания чернил»

Николай Константинович и Елена Ивановна не однажды были свидетелями того, как легенда пересекалась с реальностью. Так произошло и с Камнем – легендарной частицей главного метеорита, оказавшегося на Земле в очень давние времена. Об этой частице существует множество сказаний. При объективном изучении данного вопроса невозможно обойти те многочисленные свидетельства, которые приводятся в трудах самих Рерихов, а

также работах других исследователей. Андреев (если говорить по существу дела) обошел. Повторяется тот же подход, который он задействовал при обращении к теме Великих Учителей. Такая преемственность понятна: ведь реальность Учителей обнаруживает тесную связь с многочисленным спектром свидетельств о Камне. По тексту же Андреева видно, что он пренебрег изучением и анализом той мировой традиции, которая отражает различные аспекты, связанные с присутствием Камня в мировой истории. Вместо этого он в специальной главе «Тайна “Черного Камня”» подал беглое, весьма странное и мозаичное вступление, за которым далее последовали его собственные, просто сногшибательные объяснения. К последним мы обязательно обратимся ниже. Здесь же необходимо сказать несколько слов о том, к какому огромному культурному пласту подкрался Андреев со своими методами.

После Центрально-Азиатской экспедиции, в 1929 г., вышла в свет книга Н.К. Рериха «Сердце Азии», являющаяся важнейшим источником для научного изучения такой кардинальной составляющей культуры восточных народов, как представление о Великих Учителях. В этой книге Николай Константинович, в частности, отмечает, что образованные буряты и монголы много внимания уделяли чудесному камню, который появляется в разных частях света перед большими событиями. «Камень обычно приносится совершенно неизвестными неожиданными людьми. Тем же неожиданным путем в должное время камень исчезает. Чтобы опять появиться в сужденный срок в совершенно другой стране. <...> Бесконечные сказания щедро рассыпаны об этом камне. Говорится также, что царь Соломон и Император Акбар владели им. Эти предания невольно напоминали Лапис Эксилис – Блуждающий камень, воспетый знаменитым мейстерзингером Вольфрамом фон Эшенбах, заключившим свою песню словами: “И этот камень называется Граль”»⁹⁵. Известен ряд имен тех великих деятелей, кто владел Камнем – небольшой частицей основного метеорита, с которым эта часть его сохраняет определенную связь. Главный метеорит, согласно преданиям, находится там, где живут Великие Учителя. В том же 1929 г. в сборнике «Криптограммы Востока» Е.И. Рерих была опубликована «Легенда о Камне», освещающая исторические вехи путешествия частички Камня по лику Земли.

Известно, что некоторые авторы, в том числе и Вольфрам фон Эшенбах, не связывают Грааль со священной христианской реликвией, которая, как отмечает Р.Я. Рудзитис, по-видимому, стала ассоциироваться с первоначальной легендой о Граале позднее. Вольфрам пишет о некоем камне из рая – небесном камне или камне света. «Тогда как пришедший на Землю со звезд камень Вольфрама фон Эшенбаха постепенно превращается в чашу Грааля и в духовидческом сознании Запада оба этих священных понятия нередко отождествляются, в традиции Востока святой чудотворный камень обретает вполне самостоятельное реальное значение»⁹⁶. Вообще же Запад знает множество легенд о Камне, многие народы со времен древних друидов хранят память о нем. У магометан также встречаем традицию, связанную со святым Камнем – черным Камнем Каабы в Мекке – месте паломничества приверженцев ислама. Н.К. Рерих записывал в экспедиционном дневнике: «Живет предание о

черном камне, появляющемся в сроки больших событий. Если сравните все устные сроки из Индии, Тибета, Египта, Монголии, то совпадения их напомнят, как помимо историков пишется другая история мира. Особенно значительно сравнение показаний совершенно различных народностей»⁹⁷.

Перед Центрально-Азиатской экспедицией, в 1923 году, Камень оказался у Е.И. и Н.К. Рерихов. Получен он был самым обычным образом: на их имя в один из банков Парижа пришла посылка в виде обыкновенного ящичка из фанеры. В нем была шкатулка старинной работы, содержащая в себе тот самый небольшой фрагмент метеорита, о котором было сказано выше. Так, в очередной раз легенда обрела черты исторического факта. (Снимки общего вида посылки, шкатулки и самого Камня уже публиковались⁹⁸).

Здесь намечены лишь некоторые штрихи обширной мировой традиции, связанной с легендарным Камнем, и чтобы ввести читателя в данную тему, автору самому необходимы широкие познания в этом вопросе, умение сопоставить легендарную часть с историческим контекстом, что само по себе требует огромной исследовательской работы.

Что же делает Андреев в своей главе о Камне? До того момента в повествовании, как Рерихи получили реликвию, он на трех страницах наскоро набрасывает предельно общую, а главное крайне хаотичную картину, видимо, призванную ввести читателя в суть вопроса. Думается, что в результате у читающего эту словесную россыпь, напоминающую некую «артподготовку», просто голова пойдет кругом. Далее же следует «крупный калибр» уточнений, комментариев и, в конце концов, «собственного объяснения», буквально переворачивающего все с ног на голову. «Возьму на себя смелость, – пишет Андреев, – предложить собственное объяснение “чуда с Камнем”, которое считаю единственно возможным. Чудо-Камень Рерихам послали ... сами Рерихи!»⁹⁹. Сразу скажем, что это «собственное объяснение» никакой исследовательской ценности не представляет, ибо оно сплошь составлено из домыслов и буйной фантазии его автора. Однако для очередной иллюстрации стиля андреевского «расследования» данное объяснение представляет особый интерес.

Еще до вышеприведенного фрагмента о «взятой на себя смелости» Андреев уже начал подготавливать читателя к собственным выводам. Так, он акцентирует внимание на том, что посылка с ларцом была передана посыльным «не в руки Н.К. и Е.И. (кому она собственно и предназначалась), а их сыну Юрию»¹⁰⁰. Для подтверждения этого момента Андреев отсылает читателя к книге «Высокий Путь» и к одной из работ Росова (об особенностях этих «источников» уже было сказано выше), а также к сборнику очерков Н.К. Рериха «Обитель Света». Однако, в данном сборнике в указанном Андреевым месте нет сведений о том, что посылка была вручена Ю.Н. Рериху¹⁰¹. Далее, практически сразу «следствие» делает мощный рывок к цели: «Естественно возникает вопрос – а был ли вообще этот таинственный посыльный? Кто его видел? Во всяком случае, не Н.К. и его жена, ибо они получили посылку непосредственно от Юрия!»¹⁰². В который раз пытаюсь собственным инсинуациям придать форму «расследования», Андреев выдал целую

детективную историю, при этом основанную исключительно на лжи, откровенной и беззастенчивой, напоминающей тот безостановочный словесный поток, который Карл Маркс в свое время окрестил «недержанием чернил».

Так, по версии Андреева, четыре буквы «М», вытесненные на коже, которая обтягивала старинную шкатулку, почему-то указывают на четверых Рерихов¹⁰³. Он приводит это просто как факт, несмотря на очевидность того, что имена Рерихов даже не начинаются с этой буквы. Но на каком же тогда основании? Причина подобных утверждений лежит совершенно в иной плоскости: Андреев пытается полностью исказить всю историю получения Рерихами Камня, но, испытывая совершенное отсутствие подлинных фактов для осуществления своего плана, он начинает их придумывать. В частности, то, что Андрееву была нужна собственная расшифровка значения букв «М» (имеющих, кстати говоря, совсем иной смысл), поясняет такой фрагмент из его инсинуаций: «История о первом владельце ларца, испанском каббалисте, возможно, является подлинной, но она слишком романтизирована, откровенно “притянута” к Рерихам. Так, изготовивший ларец мастер XIII века не мог знать о Рерихах и о предстоящей им через семь столетий “миссии”, ибо решение о послании Камня русскому художнику-эмигранту и его жене было “принято” Братьями только в 1922 или 1923 году. Поэтому тайные “знаки” на крышке ларца, указывающие именно на Рерихов, как-то пара неразлучных “зимородков” и четыре буквы “М” (четверо Рерихов), очевидно, были добавлены современным мастером»¹⁰⁴. Хотелось бы в связи с этим фрагментом обратить внимание читателя на то, как лихо и без всякой застенчивости одна выдумка тянет за собой следующую, иными словами необоснованная расшифровка букв самим же Андреевым становится точкой отсчета для обвинения в подделке деталей декора ларца. И все это служит теми маленькими кирпичиками, из которых Андреев, по заранее спланированному сценарию, выстраивает целую лживую постройку. По поводу же упомянутых в цитате «зимородков» подготовка читателя произведена несколькими страницами ранее в контексте вопроса о знаках на коже, обтягивающей шкатулку, или ларец. «... В.А. Росов говорит о проступающем на коже изображении двух силуэтов – мужчины и женщины – и священных зимородков. (Два силуэта – это, очевидно, Николай и Елена Рерихи.) А.М. Шустова, напротив, утверждает, что в левом нижнем углу крышки была изображена птица Феникс... <...> (Ни Росов, ни Шустова ссылок на свои источники не дают, но можно предположить, что столь интригующие подробности они почерпнули, скорее всего, из писем Е. Рерих)»¹⁰⁵. В этом фрагменте мы видим не подтвержденные ничем мнения Росова и Шустовой. Но зуд интриги не оставляет Андреева в покое и он, действуя привычным методом, без всяких на то оснований, указывает на Е.И. Рерих. Как мы уже видели, далее сюжет с «зимородками» сыграет свою роль. Если же действительно говорить о письмах Е.И. Рерих, то в них можно найти лишь указание, что на коже ларца «имеется много алхимических знаков»¹⁰⁶.

Но в изложении Андреева это еще не все о средневековой шкатулке из немецкого города Ротенбурга. По существу, не обладая ни одним доказательством того, что именно Рерихи и послали сами себе Камень (а в

этом, как мы видели, суть «собственного объяснения» Андреева), горе-следователь «шьет к делу» истории, которые сам же и придумал. Ниже приводится фрагмент, построенный исключительно на принципе «нечто могло бы быть таким-то образом», то есть на допущении, причем без всяких на то оснований. «Мы знаем,— пишет Андреев, — что по приезде в Европу осенью 1922 г. Юрий, еще до начала занятий в Сорбонне, отправился путешествовать по Германии вместе со своим приятелем Жоржем (Георгием) Шклявером... <...> Мы не знаем, побывали ли Юрий и Жорж в Ротенбурге (который находится под Бременом, на севере Германии), но в принципе в этом не было необходимости. Ларец мог быть приобретен в обыкновенной антикварной лавке (в Германии или Франции), и затем соответствующим образом художественно оформлен, согласно указаниям Н.К.»¹⁰⁷. Помимо своей смысловой несостоятельности, этот текст (как, по сути, и приведенный выше фрагмент о «тайных “знаках” на крышке ларца») можно вполне понимать как голословное обвинение в подлоге. А это уже из разряда клеветы.

Версия Андреева о происхождении Камня – того же типа. Вот его очередное «подтверждение» представленного читателю «единственно возможного» объяснения. «Мы хорошо знаем об увлечении Рериха археологией и о его раскопках под Петербургом, Новгородом и в других местах, в том числе в Псковской губернии. Под Псковом же, как известно, существует большое метеоритное поле, на котором Рерих вполне мог подобрать “небесного пришельца”, чем-то ему приглянувшегося. Возможно даже, что этот камень находился в огромной неолитической коллекции Рериха “Каменный век”... <...> Другая возможность – Рерих мог найти метеорит, скажем, в Америке в 1921-1922 гг., в период наиболее интенсивного общения с Морией, и его сознание мистика немедленно соединило этот факт с уже известной ему легендой...»¹⁰⁸. И опять все то же: «вполне мог», «возможно даже», «мог найти»... И это есть обоснование? И это есть «документальное расследование»? Между прочим, ни в дневниковых записях Н.К. Рериха, ни в письмах Е.И. Рерих и вообще нигде мы не найдем того, о чем пишет здесь Андреев. Вооружившись логикой Андреева, можно подвергнуть некоему переосмыслению все, что угодно, например, всю известную историю выдающихся человеческих достижений. До каких же вообще пределов можно пойти, применяя подобные методы?

Увлеченный «следователь» продолжает бездоказательно домысливать собственные же допущения. «Привезенный из Америки либо самим Николаем Константиновичем, либо Юрием Камень, – пишет Андреев, – мог какое-то время храниться в одной из ячеек этого банка [«Бэнкерс Траст» – В.С.] – вплоть до Дня “Икс”, заранее назначенного Рерихами для совершения ритуала символической передачи Камня Рерихам»¹⁰⁹. (По Андрееву «День Икс» – это получение Рерихами посылки с ларцом). Здесь вспомним отмеченный выше странный акцент Андреева на передаче посылки с ларцом не в руки Н.К. Рериха и Е.И. Рерих, а их сыну Юрию Николаевичу, который «затем вручил ее родителям»¹¹⁰. Как мы помним, затем последовали нечистоплотные подозрения «следователя», испытывающего отсутствие необходимых фактов,

подтверждающих его выводы. Чтобы читатель сам мог убедиться в несостоятельности андреевского сценария с так называемой «символической передачей Камня», приведем свидетельство самого Н.К. Рериха. В своем очерке «Веги» он описал ряд интересных событий, среди которых можно узнать некоторые автобиографические моменты, скрытые всегда деликатным в таких случаях Николаем Константиновичем, например, такими словами, как «наши друзья». Вот один из таких случаев: «Еще вега. Было указание о том, что получится очень ценная посылка. Время прошло. Друзья наши уже как бы забыли об этом обстоятельстве, приехав в Париж. Однажды из банка “Бенкерс Трест” приносят оповещение о получении пакета. Оказалось, что этим обычнейшим путем была доставлена сама необычная посылка»¹¹¹. Но, как мы уже убедились, приводить свидетельства самих Рерихов Андреев не рискует.

Кроме всего прочего, «расследование» установило, что сама «Легенда о Камне» – это тоже подлог. Вот версия Андреева: «... Ее мог составить все тот же Юрий, профессиональный востоковед, используя для этого различные источники ... <...> А затем, став достоянием Е.И., легенда эта, будучи пропущенной “через столик”, стала обрастать многочисленными, совершенно фантастическими подробностями, и приняла свой окончательный вид. Таким образом, история с передачей Чуда-Камня Рерихам, если ее подвергнуть беспристрастному критическому анализу, производит впечатление заранее и весьма тщательно спланированной мистификации...»¹¹². Опять ложь, и снова в тексте нет ни одного доказательства. Дело в том, что уже само существование «Легенды о Камне» (а судя по приведенной цитате, именно на опубликованную «Легенду» направлено внимание Андреева) представляет для «следствия» крайне не выгодный факт. Во-первых, в ней собраны уникальные подробности присутствия Камня в различных исторических периодах. Во-вторых, эта Легенда, как уже было сказано выше, тесно связана с мировым пластом сказаний о Камне. Е.И. Рерих писала: «Конечно, Восток особенно полон легенд об этом даре Ориона, и народы всюду ищут его. Оссендовский слышал эти легенды. Много их в различных версиях, более или менее правдивых. Так и тибетский и монгольский белый конь Эрдени-Мори, несущий Чинтамани (Сокровище Мира), тоже связан с этим появлением. Легенда, записанная в “Крипт[ограммах] В[остока]”, – истина»¹¹³. То, что «ее мог составить» Ю.Н. Рерих, остается лишь в пределах андреевских инсинуаций типа «могло бы быть так-то». Заявление же Андреева о дополнительном наполнении Легенды с помощью спиритических сеансов звучит уже как утверждение, несмотря на то, что творчество Е.И. Рерих и Н.К. Рериха никогда не было связано с так называемыми «столоверчениями», или спиритизмом. Причем всю эту ложь он выдает, как мы видели, за «беспристрастный критический анализ»! Но, как было показано выше, «анализ» у Андреева сводится лишь к развитию собственных домыслов, не имеющих ничего общего с реальным состоянием дела. Так, сама Елена Ивановна отрицательно относилась к спиритизму, что неоднократно отображено в ее письмах. Она писала: «Также следует запомнить, что Вел[икие] Уч[ителя] не только *не* поощряют, но даже *запрещают* всякие занятия спиритизмом и магией...»¹¹⁴.

Надо сказать, что инсинуации Андреева вползают и в современность. Так, озабоченный вопросом о дальнейшей судьбе Камня, а скорее пытаюсь создать некую интригу, Андреев прибавляет к своему «расследованию» следующее. «Рассказывают, – пишет он, – что Святослав Николаевич носил его у себя на груди – так же как до того Е.И. – и незадолго до своей кончины (в начале 1990-х) передал “Дар Ориона” – очевидно, с ведома махатм, индологу-рериховеду Людмиле Васильевне Шапошниковой. У нее-то рериховская реликвия, по-видимому, и хранится в настоящее время»¹¹⁵. В этом фрагменте после слов «индологу-рериховеду Людмиле Васильевне Шапошниковой» «следователь» делает ссылку на страницу восемь статьи Г.И. Кальжановой «В ипостасях любви и войны оголтелой», как предисловия к книге Л.В. Шапошниковой «Мудрость веков». Зная стиль работы Андреева, мы не можем не проверить эту информацию в указанном им источнике. На этой восьмой странице данной статьи мы находим фрагмент текста, где упомянут Камень, однако из него никак не следует, что С.Н. Рерих именно передал во владение Л.В. Шапошниковой эту реликвию. Вот этот фрагмент из статьи Г.И. Кальжановой: «И Святослав Николаевич, носивший после ухода своих великих родителей в мир иной Священный Камень у себя на груди, как-то протянул его Людмиле Васильевне, благословляя на дела предстоящие, трудные и ответственные...

Вот на фотографии ящичек, в котором был переслан ларец с этим Камнем Елене и Николаю Рерихам, а вот здесь запечатлен и сам ларец»¹¹⁶. Данную цитату мы приводим в точности такой, как она есть в указанном Андреевым источнике, без выпусков и сокращений. Выходит, опять «следователь» наврал, ибо его надуманность и домысел – налицо, хотя сам, он, видимо, не рассчитывал на подобную сверку его ссылки.

7. «Сон разума рождает чудовищ»

Свое невежество Андреев демонстрирует, кроме всего прочего, и в таком недопустимом для исследования методе, как «выдергивание» цитат из источников и помещение их в свой контекст, навязывая, таким образом, читателю свой ход мысли, в том числе и в отношении Великих Учителей. Прибавим к этому и незакавыченный пересказ и комментарий Андреева (уже неоднократно доказавшего свой предвзятый подход), но при этом со ссылкой на первоисточник. Конечно, можно себе только представить, что из этого получилось. При этом надо учесть, что читатель далеко не всегда обращается к первоисточникам (а ведь среди ссылок Андреева присутствует и такой источник, как Живая Этика), на что и рассчитывает Андреев.

Ввиду очень поверхностного подхода к какой-либо теме, за которую берется Андреев, вырисовывается некая весьма примитивная, искаженная картина, своего рода текстовая «выжимка», по которой составить представление о сути изначальной идеи практически невозможно. Так, например, он поступает с темой иных состояний материи, набрасывая вкратце свой комментарий, завершающийся какой-то несурзацей: «Живописуя Тонкий

Мир и его обитателей Е.И., конечно же, верила в его реальность. В то же время она понимала, что создает миф, сказку – для профанов и невежд, о чем прямо говорила: “*Лучшая действительность для невежды – сказка*”¹¹⁷. И тут же после цитируемого им предложения значится ссылка на одну из книг Живой Этики. То, что по писаниям Андреева совершенно невозможно выносить суждение, как о жизненном пути, так и о творчестве Рерихов – это очевидный факт, и мы не будем на этом останавливаться. Мы остановимся здесь на примере манипуляции с цитатой. Выхваченное из Живой Этики предложение в первоисточнике имеет совершенно иную смысловую нагрузку и стоит в ином контексте. Андреев же просто изъясил его оттуда и поместил в собственный контекст. Вот фрагмент из Живой Этики, в котором находится использованное Андреевым предложение: «Люди готовы верить разным сказкам, но не замечают действительности. Прогресс имеет свои кривые. Пора обратить внимание на волны человеческих достижений. Правильно скажут, что история донесла лишь отрывочные сведения, но и эти краткие намеки помогут вдумчивому исследователю.

Мыслитель признавал древность Земли и человека. Он утверждал, что планета пережила много катастроф. Он же писал и об Атлантиде, но люди долго считали это сказкою. Лучшая действительность для невежд – сказка»¹¹⁸.

Также Андреев может дать полуторастраничное (без использования цитат) описание Братства Учителей, а после сделать довольно общую ссылку на Е.И. Рерих, а также на все книги (!) Живой Этики, в которых читатель якобы должен найти подтверждение поданному Андреевым тексту. Между тем, контекст (и конкретные в нем смысловые фрагменты) первоисточников – это одно, а всевозможные фрагментарные составления текста Андреевым и его комментариев, сдобренный оскорбительными замечаниями – это уже совсем другое.

Надо подчеркнуть, что анализируемая здесь книга – это далеко не просто продукт лишь ужасающего непонимания и невежества автора, а, как следствие, и *полного искажения* им всего, что связано с Великими Учителями и жизненной задачей тех, кто принес о них весть миру (Е.П. Блаватская, Е.И. Рерих и Н.К. Рерих). Это изначально продуманное и особым образом выстроенное повествование, цель которого – дискредитировать, как саму тему Великих Учителей, так и конкретные имена Махатм. Домыслы, инсинуации и клевета – вот способы достижения этой цели. В книге Андреева нет места действительно расследованию, ибо, как было показано выше, он изначально предвзято подошел к столь сложной, многослойной и сокровенной для многих народов теме. Не имея никакого желания вникнуть в ее суть, он просто использовал в своих целях самые разные источники, как весьма сомнительные и явно клеветнические, так и очень авторитетные. Именно использовал, ибо это тоже его метод.

Последовательно сплетая свой проект, а, по сути, создавая собственный миф, он в своем злопыхательстве опустился до откровенной клеветы в адрес конкретных имен Великих Учителей и Махатм вообще, обвиняя Их во лжи и дезинформации¹¹⁹; приземленности и абсурдности¹²⁰; нетерпимости к

инакомыслящим и нетерпеливости, лукавстве, недержании слова и частых ошибках, собственной же дискредитации, «двойных стандартах» жизненной философии» и двоедушии¹²¹; неумелом руководстве и даже гибели экспедиционного каравана, подстрекательстве и другом¹²². И все это Андреев говорит в адрес Тех Великих, кого чтят народы Индии и всей Внутренней Азии, независимо от веры и национальности, о ком веками слагались сказания от Европы до Китая. По сути, злословие Андреева направлено на само Сердце Азии и Планеты в целом, ибо традиция, связанная с Великими Учителями, или Махатмами, веками питала лучше устремления Востока и Запада. Конечно, книга Андреева – не об истинных Махатмах, ибо глубокое невежество ее автора не позволило ему даже близко подойти к представлению о настоящих обликах Великих Учителей. Его раздражает даже сама традиция анонимности; он заявляет, что «анонимных учителей попросту не бывает»¹²³, не желая понять, что та многоаспектная помощь Махатм, отраженная в исторических свидетельствах и в бесчисленных сказаниях, далеко не всегда требовала раскрытия своего источника. Кстати говоря, анонимная помощь – это всегда признак высокой добродетели. Но Андрееву это не знакомо. Даже имена Махатм ему кажутся подозрительными (по его версии имена эти «присвоила» Учителям Е.П. Блаватская!). Однако, опасно мерить все по себе. Ведь так перевернуть можно всю историю. Одной из характерных черт книги Андреева и является взгляд на все происходящее через призму своих установок. Унизить и оскорбить – вот задача того, кто действует под прикрытием «документального расследования». И никакое обилие исписанных страниц, задействованной литературы и понадерганных из разных источников фактов из жизни тех, кого он пытается умалить, не скроет истинного почерка Андреева. В сущности говоря, малое не может судить о Великом, оно может лишь в нем отразиться. Это и произошло с Андреевым, который показал читателю, в чем состоит его внутреннее существо и, соответственно, какова цена его сочинительства.

Прослеживая логику Андреева (она просматривается уже в самом построении книги) и особенно обращая внимание на завершающие повествование подразделы, становится понятно, к чему сводится весь его опус. После злословия в адрес Великих Учителей, Андреев принялся оценивать внутреннее состояние (!) Е.И. Рерих. По существу, он протаптывает дорогу к дискредитации философской системы Живой Этики, составляющей стержневую основу всего творческого наследия Елены Ивановны и Николая Константиновича Рерихов, а также занимающей важнейшее место в процессе формирования нового космического мышления (к этому ключевому моменту мы вернемся ниже). Кроме того, Живая Этика как явление тесно связана с эволюционной деятельностью Учителей. Поэтому Андреев, действуя планомерно, вначале пытается бросить тень на светлое имя Е.П. Блаватской, затем переходит ко второй части своего опуса, названной «Наследники Блаватской – Николай и Елена Рерихи», а заканчивает все подразделом «Агни Йога и “новая наука”». Такая логика, обрамленная контекстом жутких андреевских инсинуаций, по сути дела направлена в будущее, а именно – против нового научного мышления и нового космического мировоззрения. Это

надо ясно себе представлять при столкновении с подобной литературой. В этой связи становится особенно понятен замысел Андреева дискредитировать имя Е.И. Рерих, столь много сделавшей для будущего развития человечества. Однако для осуществления этого замысла ему опять же необходим соответствующий материал, а его попросту нет. Ибо Елена Ивановна прожила в высшей степени достойную жизнь, о чем свидетельствуют не только биографические сведения и воспоминания о ней, но и оставленное ею творческое наследие, которое имеет огромное эволюционное значение. Поэтому выбор у Андреева был невелик: ему оставалось только обратиться к старому методу домыслов, подпитывающих его вульгарное мифотворчество. До каких границ доходит то и другое, пусть читатель судит сам.

Андреев пишет: «Обратим внимание на такие ее [Е.И. Рерих. –В.С.] слова, как: “Учитель идет в башню” или “Учитель сидит в башне”. Если считать, что “башня” это аналог “головы” (в таком смысле это слово употребляется в современном сленге), то легко понять, что речь в этих фразах идет о вторжении “духа-учителя” в сознание»¹²⁴. Наверное, отсюда и следующий ниже вывод о том, что у Е.И. Рерих якобы присутствует «спутанность речи, пересыпанной чисто земными жаргонными словечками»¹²⁵. Что это: новый виток в «расследовании» или его судороги? Кризис жанра или просто откровенная глупость, подпитанная ощущением полной безответственности?

Относительно самого слова «башня», конечно, никаких разночтений быть не может. Так, в книге Живой Этики «Надземное» сказано об особой Башне, внешне похожей на естественный утес и, судя по тексту, имеющей отношение к скрытым местам нахождения Братства Учителей в лабиринте гор и пустынь Внутренней Азии¹²⁶. Причем Андреев сам же шестью страницами ранее (относительно вышеприведенной его цитаты) воспроизводит данный фрагмент из книги «Надземное», где сказано об этой особой Башне. Но нельзя забывать, что принцип последовательности зависит у Андреева от интересов «следствия», которые в данном случае выражены в упорном желании дискредитировать имя Е.И. Рерих. Ввиду этого, совершенно не разобравшись (и вряд ли вообще испытывая к этому желание) в природе тех тонких способностей, которыми обладала Елена Ивановна, Андреев, не скупясь на свои невежественные малограмотные выводы, а также разного рода комментарии, замечает в ее адрес следующее: «Главное, это то, что ее “особое состояние” имеет явные признаки психопатического расстройства, как-то частые зрительные и слуховые галлюцинации, вербальный галлюциноз, склонность к образованию сверхценных идей и акцентированию особой значимости собственной личности»¹²⁷. Андреев беззастенчиво клеветает, ибо достоверно известно, что никакими видами галлюцинаций Елена Ивановна не страдала, и ее тонкий опыт раскрытия свойств человеческого организма не имеет ни малейшего отношения к андреевским выводам и инсинуациям. Так ведь и феномен Бетховена можно причислить к «психопатическому расстройству». Н.К. Рерих писал: «Современные нам “инквизиторы” не прочь и сейчас обвинить ученых-исследователей или в колдовстве, или в сумасшествии. Мы помним, как наш покойный друг профессор Бехтерев за свои исследования в области изучения

мысли не только подвергался служебным гонениям, но и в закоулках общественного мнения не раз раздавались шептания о нервной болезни самого исследователя»¹²⁸. Между прочим, В.Н. Бехтерев очень внимательно прислушивался к тонким способностям Е.И. Рерих и, в частности, к ее дару прозрения в грядущие события как мирового, так и частного значения, о чем Н.К. Рерих упоминал в очерке «Сорок лет»¹²⁹. И нигде мы не найдем свидетельств, чтобы этот именитый ученый, выдающийся русский психиатр и невропатолог, дал хотя бы намек, подобный измышлениям Андреева по поводу состояния Е.И. Рерих.

Что же касается так называемой склонности к «акцентированию особой значимости собственной личности», то это также не соответствует действительности. Напротив, широко известна необыкновенная скромность Е.И. Рерих, о чем, например, писал Николай Константинович – многолетний свидетель ее многообразной творческой деятельности: «Даже из друзей многие не знают, что Еленой Ивановной написан ряд книг. Не под своим именем. Она не любит сказать, хотя бы косвенно, о себе. Анонимно она не пишет, но у нее пять псевдонимов. Есть и русские, и западные, и восточные. Странно бывает читать ссылки на ее книги. Люди не знают, о ком говорят. По мысли Елены Ивановны возникают женские единения. Особая прелесть в том, что многое возникает даже, не зная истинного источника»¹³⁰. Выходит и здесь Андреев солгал, но как мы уже видели, без этого его книга не состоялась бы как таковая.

Немаловажно отметить и следующее. В том подразделе повествования, где Андреев пытается с видом заправского доктора дать оценку состоянию Е.И. Рерих, совершенно нет ссылок на такую книгу, как «У порога Нового Мира», в которой как раз и раскрываются причины и особенности переживаемых Еленой Ивановной внутренних состояний. Последние связаны с особым творческим эволюционным процессом, в котором она участвовала вместе с Великими Учителями и под их непосредственным руководством. Е.И. Рерих проходила сложный, уникальный процесс преображения всего организма. Но при этом, ни о каких расстройствах психического состояния не могло быть даже речи, в чем можно убедиться, глубоко вникнув в смысл описываемых в книге «У порога Нового Мира» явлений.

Итак, перед Андреевым стояла вполне определенная задача: преподнести не имеющий ничего общего с реальностью образ Е.И. Рерих. С этим связаны и попытки «следователя» протянуть нити преемственности от Ч. Ледбитера к Е.И. Рерих. «Именно у Ледбитера, – пишет Андреев, – как кажется, Е.И. заимствовала многие свои идеи...»¹³¹. Поскольку речь идет о Елене Ивановне, то логично будет обратиться к ее же мнению, а не полагаться на очередное «как кажется». В письме к В.М. Сеплебенко она писала: «...Считаю своим долгом предупредить Вас, что со многими книгами г-на Ледбит[ера] я не согласна, более того, считаю их не отвечающими истине и даже вредными»¹³². Можно привести еще целый ряд примеров из писем Е.И. Рерих, из которых ясно следует, что она у Ледбитера никоим образом не могла ничего заимствовать. Наконец, можно отметить и такое противоречие. Чуть ниже, на той же странице Андреев пишет о том, что в информационном плане «главным источником» для

Е.И. Рерих была именно Е.П. Блаватская. Учитывая это, а также сказанное Андреевым о якобы существующей преемственности идей от Ледбитера, по версии «расследования» получается, что последний должен был бы находиться в определенном согласии с идеями Е.П. Блаватской и теософского движения. Но это оказалось не так. Приведем такое замечание Е.И. Рерих: «Знаю вдумчивых теософов среди французов, считающих, что именно Ледб[итер] нанес наибольший удар теософическому движению в их стране. Аналитический ум француза не может примериться с ребяческими нелепостями, которые преподносятся Ледбитером в качестве великих откровений»¹³³. Надо сказать, что идея Андреева о «заимствовании» не малозначима в контексте его сценария. Поэтому, учитывая то, какие знания несла человечеству Елена Ивановна Рерих и какую огромную работу она проделала для того, чтобы эти знания легли в стройную философию космической реальности, совершенно недопустимы навязывания каких бы то ни было неоправданных источников влияния.

8. Будущее непреложно

Так или иначе, Андреев постепенно готовил почву для того, чтобы дать оценку Живой Этике – делу всей жизни Е.И. Рерих. Что может сказать об этой философской системе Андреев – догадаться не составляет труда. Буквально на последних страницах своей книги он заявляет, что Живая Этика является «сплавом старых оккультных теорий и новых научных и паранаучных идей», а новые знания в ней – это всего лишь переработанные «“великие открытия” мистиков, оккультистов и иных духовидцев всех времен и народов» и т.д.¹³⁴ Участие же Великих Учителей в создании Живой Этики он попросту отрицает. Кроме того, Андреев в отношении Рерихов, а также Е.П. Блаватской, заявляет следующее: «... Разработанное ими учение об “иной реальности” – предельно фантастично и, безусловно, находится вне современной науки и вне науки вообще. Хотя, если считать оккультные теории некой “альтернативной наукой”, обогатившей человечество высшими “космическими знаниями”, в духе новомодного “Нью-Эйдж”, то тогда, конечно же, Блаватская и Рерихи – великие “ученые-космисты”!»¹³⁵. Перед нами позиция Андреева и не более того. Насколько она абсурдна, будет показано ниже. Его же рассуждения относительно научности после всех акробатических трюков «расследования», свидетелями которых мы стали, звучат совершенно неубедительно. Данная цитата приведена здесь лишь затем, чтобы показать резкую границу между невежественным мифотворчеством Андреева и действительностью, а также здравым смыслом вообще.

Прежде всего, необходимо сказать о том, что оценка Живой Этики, как и всего творческого наследия Е.И. Рерих и Н.К. Рериха, не должна осуществляться в отрыве от широкого историко-культурного контекста. И если Андреев именуется историком, то почему же он не задействовал этот контекст, не изучил и не осмыслил его? Видимо, это не входило в его методику,

но главное, явно препятствовало самому ходу «расследования». Между тем, это важнейший момент и о нем необходимо сказать несколько слов.

Выше уже говорилось о том, что ключевое место в процессе зарождения и развития нового космического мышления занимает Живая Этика. Работе над этой философской системой, которая была создана в сотрудничестве с уникальной группой Великих Учителей Востока, Е.И. Рерих посвятила более тридцати лет жизни. Это сотрудничество, его истинный смысл, совершенно не был осмыслен Андреевым. Как не была понята суть такого явления как космизм, или космическое мышление. Это отчетливо видно по одной только вышеприведенной цитате из его книги, где понятие «ученый-космист» приравнивается к неким «окультурным теориям» и «новомодному “Нью-Эйдж”»! Очевидно, что ни один серьезный исследователь до такого не смог бы додуматься.

Ведь в наши дни с явлением космизма связан внушительный ряд новых научных открытий и теоретических разработок, становление новых мировоззренческих концепций, а также развитие широкого спектра направлений в современном искусстве. Процесс формирования космического мышления начался на рубеже XIX – XX вв., и, будучи сам по себе длительным, включает нашу современность. В нем приняли участие выдающиеся ученые-космисты, философы, деятели искусства. Наследие В.С. Соловьева, П.А. Флоренского, Н.А. Бердяева, В.И. Вернадского, К.Э. Циолковского, А.Л. Чижевского, Е.И. Рерих, Н.К. Рериха, А.Н. Скрябина, М.К. Чюрлениса и многих других содержит принципиально новые подходы к познанию Космоса и человека, их эволюционного единства и взаимопроникновения. Если же следовать логике Андреева, то наследие перечисленных выше великих ученых-космистов принадлежит к пресловутым «окультурным теориям». Где же тогда границы невежества?

Насколько сложна и многоаспектна тема, о которой Андреев пишет столь пренебрежительно, свидетельствует и то, что одной из главных культурно-исторических особенностей космического мышления, определившихся в начале XX столетия, является формирование новой системы познания на основе синтеза науки и метанауки¹³⁶. Русские ученые и философы-космисты в начале XX в., подвергая старое социологическое мироощущение пересмотру, формировали основы нового космического мышления, дополняя традиционные подходы в экспериментальном способе познания таким методом, как умозрительное действие, которое опиралось на интуицию. Этот способ познания сейчас принято называть метанаучным. Живая Этика как раз и несет в себе новую систему познания, которая представлена синтезом основных способов познания – научного и метанаучного. Она включает синтез древних и современных знаний, накопленных как Западом, так и Востоком. Живая Этика содержит развернутую концепцию космической эволюции человечества; ее роль в формировании нового космического мышления, новых научных подходов к изучению Мироздания как целостной энергетической системы очень значительна. Путь реализации Живой Этики пролегает именно через науку, которой в данной философской системе придается большое значение. Не

случайно Л.В. Шапошникова в одной из своих работ отмечает, что идеи Живой Этики оказались созвучными научным достижениям самых выдающихся ученых XX века¹³⁷. В таком труде Л.В. Шапошниковой, как «Вселенная Мастера», глубоко раскрывается то созвучие Живой Этике, которое содержится в идеях вестников космической эволюции – В.И. Вернадского, К.Э. Циолковского, А.Л. Чижевского, П.А. Флоренского.

В начале XXI в. космическое мировоззрение рассматривается учеными как новый, синтетический вид мышления, который охватывает научный и философский опыт человечества, а также достижения искусства. В его пространстве формируется новая научная картина мира и, соответственно, новая парадигма человека. Под воздействием новейших открытий и выдвинутых гипотез (особенно это относится к астрофизике и теоретической физике) прежняя научная картина мира испытывает ныне значительную трансформацию, что в свою очередь требует новых философских оснований науки. Последние как раз и содержит в себе Живая Этика.

О степени актуальности для науки третьего тысячелетия проблематики космического мышления свидетельствует более чем полугодичная работа (с учетом работы секций) Международной научной конференции «Космическое мировоззрение – новое мышление XXI века», которая прошла в 2003 г. в Москве и была посвящена осмыслению и выявлению особенностей нового космического мировоззрения¹³⁸. Эта конференция собрала ученых из стран СНГ, Балтии, Болгарии, Великобритании, Германии, Индии, США, Италии, Ливана, Финляндии и явилась кардинальным событием в мировой науке. В работе секций и пленарном заседании приняли участие более 900 человек, в числе которых 13 академиков, 87 докторов наук и профессоров, 39 кандидатов наук. Здесь мы приведем фрагмент из Резолюции, принятой участниками этой конференции, который, по сути, полностью опровергает все вымыслы Андреева и ему подобных сочинителей о Живой Этике. «Наряду с освоением внешнего космического пространства и развитием представлений о существовании других миров, о многообразии форм жизни человек стал выходить за привычные пределы чувственной реальности и открывать свой внутренний космос, все более осознавая себя органичной частью единой космической реальности. Благодаря философии Серебряного века и трудам мыслителей-космистов стала формироваться новая теория познания, которая наряду с научными рациональными способами познания включает интуитивные и духовные способы постижения человека, природы и космоса. Новое мировоззрение приблизилось к реальности космоса более, чем все картины мироздания, созданные в прошлом. <...> С распространением и осмыслением идей космистов началась переоценка духовного наследия прошлых веков, а в пространстве научного миропонимания стало зарождаться и развиваться новое космическое мышление. Ключевое место в этом процессе занимает Живая Этика – философия космической реальности, которая была создана группой мыслителей и философов Востока в сотрудничестве с Е.И. Рерих и Н.К. Рерихом. В ней содержатся основы новой теории познания и его методология»¹³⁹.

На фоне столь высокой научной оценки Живой Этики, данной таким представительным форумом, как Конференция 2003 г., крайне нелепо звучат фразы Андреева об этой философской системе, как-то – «литературно-мистический опус»¹⁴⁰ и ей подобные. То, что для Андреева является мистикой, уже давно обрело признание в представительных научных кругах. Как бы это не возмущало некоторые инквизиторские сознания, в наши дни идеи Живой Этики неотвратимо входят в научный оборот, в частности, они уже используются в философии, истории, культурологии, физике, астрофизике, педагогике и др.

Итак, Е.И. Рерих явилась одним из ведущих основателей нового космического мышления. Ее труды содержат в себе свод знаний об особенностях и основах космической эволюции человечества, неотъемлемости этой эволюции от механизмов развития всей энергетической системы Мироздания, о тех космических законах, которые пронизывают все уровни этой системы. Не случайно главный труд ее жизни – Живая Этика ныне именуется учеными «философией космической реальности», что было также отмечено в вышеприведенном фрагменте Резолюции.

Проходят и конференции, всецело посвященные Живой Этике. Так, в 2007 г. в Москве состоялась Международная научно-общественная конференция «Живая Этика и наука», явившаяся еще одной крупной вехой в процессе вхождения данной философской системы в науку. Сотни человек из двадцати четырех стран приняли участие в работе этой конференции, в числе которых крупные ученые – представители различных областей науки. Конференция акцентировала внимание на целом ряде проблем, в том числе, на следующем: «Было отмечено, что идеи космического мышления вызывают интерес и привлекают внимание все большего числа ученых. Не все из них знакомы с идеями Живой Этики, но в своей научной работе, опираясь на объективную логику научных исследований, они подходят к этим идеям. Основные итоги конференции – раскрытие огромного значения Живой Этики, других трудов Рерихов, вклада мыслителей-космистов в становление новой одухотворенной науки; выявление ключевых проблем в формировании новой системы познания и определение возможных путей их исследования и решения»¹⁴¹. Все это свидетельствует об активном процессе научного осмысления идей Е.И. Рерих и Н.К. Рериха, и этому процессу, продиктованному самим временем, не могут помешать никакие невежественные и клеветнические опусы.

- ¹ *Андреев А.И.* Гималайское братство: Теософский миф и его творцы (Документальное исследование). СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. С. 2.
- ² См.: Краткий философский словарь / Под ред. А.П. Алексеева. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. С. 34.
- ³ *Крэнстон С. Е.П.* Блаватская: Жизнь и творчество основательницы современного теософского движения / Пер. с англ. Рига – Москва: ЛИГАТМА, 1999. С. 180–181.
- ⁴ Там же. С. 182.
- ⁵ См.: *Стеценко А.В.* “Клевещите, клеветайте, что-нибудь да останется” // Защитим имя и наследие Рерихов. Т.1. Документы. Публикации в прессе. Очерки. М.: МЦР, 2001. С. 531–560.
- ⁶ См.: *Сергеева Т.П.* Тайна пророка или великий заговор? // Защитим имя и наследие Рерихов. Т. 3. Документы. Публикации в прессе. Очерки. М.: МЦР, 2005. С. 885–898.
- ⁷ Там же. С. 896.
- ⁸ Там же.
- ⁹ *Книжник Т.О.* Откровение от “Сферы” // Защитим имя и наследие Рерихов. Т. 3. С. 472.
- ¹⁰ Там же. С. 484.
- ¹¹ Там же. С. 485.
- ¹² *Лавренова О.А.* Прокрустово ложе псевдонауки // Защитим имя и наследие Рерихов. Т. 1. С. 563–573.
- ¹³ *Лавренова О.А.* “В поисках новой страны” // Защитим имя и наследие Рерихов. Т. 1. С. 594–615.
- ¹⁴ *Лавренова О. А. Музычук В. Ю., Стеценко А. В.* Автопортрет в серых тонах. Размышления по поводу новой книги В. А. Росова // Защитим имя и наследие Рерихов. Т. 3. С. 830–860.
- ¹⁵ *Тугужекова В.Н., Павлов Ю.М., Фролов В.В.* Культура, не политика... (К вопросу о неудачной диссертации о Николае Рерихе) // Защитим имя и наследие Рерихов. Т. 4. Документы. Публикации в прессе. Очерки. М.: МЦР, 2007. С. 704–710.
- ¹⁶ *Лавренова О. А. Музычук В. Ю., Стеценко А. В.* Автопортрет в серых тонах. Размышления по поводу новой книги В. А. Росова. С. 834
- ¹⁷ *Лавренова О. А. Музычук В. Ю., Сергеева Т.П.* Опыт бездуховной биографии // Защитим имя и наследие Рерихов. Т. 3. С. 904–930.
- ¹⁸ *Стеценко А.В.* “Клевещите, клеветайте, что-нибудь да останется”. С. 531–560.
- ¹⁹ *Андреев А.И.* Гималайское братство: Теософский миф и его творцы. С. 5.
- ²⁰ Там же. С. 6.
- ²¹ Например, см.: *Иеромонах Иоанн (Коган).* Страх перед антихристом или послушание Церкви? А судьи кто?.. (О дьяконе Андрее Кураеве). М.: Изд-во “Планета 2000”, 2000; *Шапошникова Л.В.* “Подвижничество” диакона Кураева // Шапошникова Л.В. Держава Рерихов: сб. статей. В 2 т. Т. 2. М.: МЦР, 2006. С. 294–349; *Протоиерей Георгий Городенцев.* Прав ли Кураев? // Защитим имя и наследие Рерихов. Т. 1. С. 329–332; *Мяло К.Г.* Звезда волхвов, или Христос в Гималаях. М.: Беловодье, 1999; *Фролов В.В.* Информационная война против Рерихов продолжается // Защитим имя и наследие Рерихов. Т. 3. С. 768–779; *Нежный А.И.* Погружение во мрак // Защитим имя и наследие Рерихов. Т. 3. С. 735–755 и др.
- ²² Например, см.: Живая Этика и наука: материалы междунар. науч.-обществ. конф., 2007 г. М.: МЦР, 2008.
- ²³ *Андреев А.И.* Гималайское братство: Теософский миф и его творцы. С. 6.
- ²⁴ Там же. С. 7.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ См.: там же.
- ²⁸ Там же. С. 7–8.
- ²⁹ *Шапошникова Л.В.* Огненное творчество космической эволюции // Рерих Е.И. У порога Нового Мира. М.: МЦР, 2000. С. 17.
- ³⁰ См.: Там же. С. 16.
- ³¹ *Андреев А.И.* Гималайское братство: Теософский миф и его творцы. С. 7.
- ³² Там же. С. 10.
- ³³ *Рерих Е. И.* Письма. В 8 т. Т. 3 (1935 г.). М.: МЦР, 2001. С. 153–154.
- ³⁴ *Андреев А.И.* Гималайское братство: Теософский миф и его творцы. С. 11.
- ³⁵ *Шапошникова Л.В.* Великое путешествие: в 3 кн. Кн. 1. Мастер. М.: МЦР, 1998.
- ³⁶ Мастер о Мастере. Презентация книги Л.В. Шапошниковой “Мастер” // Новая Эпоха. 1999. № 1. С. 89–85.

- ³⁷ Рудзитис Р.Я. Братство Грааля / Пер. с латыш. М. Пормалис. Рига: Угунс, 1994. С. 60.
- ³⁸ Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского / Отв. ред. М.Л. Гаспаров. М.: Наука, 1985. 328 с.
- ³⁹ Криптограммы Востока. Рига: Угунс, 1992. С. 67–68.
- ⁴⁰ Рерих Е.И. Письма. В 8 т. Т. 6 (1938–1939 гг.). М.: МЦР, 2006. С. 136.
- ⁴¹ Рерих Е.И. Письма. В 8 т. Т. 4 (1936 г.). М.: МЦР, 2002. С. 117.
- ⁴² Под понятием «Средняя Азия» здесь и далее в этой цитате подразумевается Центральная Азия.
- ⁴³ «No-man's Land» (англ.) – «заповедная страна».
- ⁴⁴ Рерих Е.И. Письма. В 8 т. Т. 6. С. 136.
- ⁴⁵ Рерих Н.К. Сердце Азии. Минск: Университетское, 1991. С. 77.
- ⁴⁶ Учение Живой Этики. Братство. Ч. 2. Надземное (продолжение). М.: МЦР, 1996. С. 377–378, п. 539.
- ⁴⁷ Сокровенное сказание о Беловодье. Новосибирск: Сибирское Рериховское Общество, 1996.
- ⁴⁸ См.: Андреев А.И. Гималайское братство: Теософский миф и его творцы. С. 392.
- ⁴⁹ Там же. С. 76.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Крэнстон С. Е.П. Блаватская: Жизнь и творчество основательницы современного теософского движения. С. 355–356.
- ⁵² Там же. С. 357.
- ⁵³ Андреев А.И. Гималайское братство: Теософский миф и его творцы. С. 90–91.
- ⁵⁴ Крэнстон С. Е.П. Блаватская: Жизнь и творчество основательницы современного теософского движения. С. 315.
- ⁵⁵ Там же. С. 318.
- ⁵⁶ См.: там же. С. 315–319.
- ⁵⁷ Там же. С. 320.
- ⁵⁸ См.: там же. С. 667.
- ⁵⁹ Там же. 320–321.
- ⁶⁰ См.: там же. С. 314.
- ⁶¹ Там же. С. 314–315.
- ⁶² Там же. С. 315.
- ⁶³ Рудзитис Р.Я. Братство Грааля. С. 96.
- ⁶⁴ Фосдик З.Г. Мои Учителя. Встречи с Рерихами. (По страницам дневника: 1922–1934). М.: Сфера, 1998. С. 316.
- ⁶⁵ Андреев А.И. Гималайское братство: Теософский миф и его творцы. С. 134.
- ⁶⁶ См.: Книжник Т.О. Плоды просвещения // Защитим имя и наследие Рерихов. Т. 3. Документы. Публикации в прессе. Очерки. М.: МЦР, 2005. С. 872–874. Здесь впечатления З.Г. Фосдик (взяты из книги «Мои Учителя») приведены в их сопоставлении с записями самих Рерихов.
- ⁶⁷ Лавренова О.А., Музычук В.Ю., Стеценко А.В. Автопортрет в серых тонах. Размышления по поводу новой книги В.А. Росова // Защитим имя и наследие Рерихов. Т. 3. М.: МЦР, 2005. С. 853–854.
- ⁶⁸ Андреев А.И. Гималайское братство: Теософский миф и его творцы. С. 135.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ См.: Шапошникова Л.В. Мудрость веков. М.: МЦР, 1996. С. 179.
- ⁷¹ Андреев А.И. Гималайское братство: Теософский миф и его творцы. С. 135.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ См.: Учение Живой Этики. Братство. Ч. 2. Надземное. М.: МЦР, 1996. С. 205, п. 127.
- ⁷⁴ Рерих Е.И. У порога Нового Мира. М.: МЦР, 2000. С. 70.
- ⁷⁵ Андреев А.И. Гималайское братство: Теософский миф и его творцы. С. 148.
- ⁷⁶ Там же. С. 149.
- ⁷⁷ См.: Рерих Н.К. Листы дневника в 3 т. М.: МЦР, 1995–1996.
- ⁷⁸ Андреев Леонид. Держава Рериха // Держава Рериха: сб. М.: МЦР, 1993. С. 34–36.
- ⁷⁹ Андреев А.И. Гималайское братство: Теософский миф и его творцы. С. 173.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² Алехин А. Предисловие // Держава Рериха. С. 8.
- ⁸³ Андреев А.И. Гималайское братство: Теософский миф и его творцы. С. 148.
- ⁸⁴ Беликов П.Ф., Князева В.П. Рерих. – М.: Молодая гвардия, 1972. (Серия «Жизнь замечательных людей»). С. 115.
- ⁸⁵ Рерих Н.К. Листы дневника в 3 т. Т. 3 (1942–1947 гг.). М.: МЦР, 1996. С. 53.
- ⁸⁶ См.: Рерих Н.К. Листы дневника в 3 т. Т. 3. С. 571, 580.

- ⁸⁷ Там же. С. 615–616.
- ⁸⁸ *Андреев А.И.* Гималайское братство: Теософский миф и его творцы. С. 142.
- ⁸⁹ См.: *Рерих Н.К.* Листы дневника в 3 т. Т. 2 (1936–1941 гг.). М.: МЦР, 1995. С. 198.
- ⁹⁰ См.: *Рерих Н.К.* Листы дневника в 3 т. Т. 3. С. 53.
- ⁹¹ *Рерих Н.К.* Листы дневника в 3 т. Т. 2. С. 385.
- ⁹² *Андреев А.И.* Гималайское братство: Теософский миф и его творцы. С. 246.
- ⁹³ *Рерих Н.К.* Алтай – Гималаи: Путевой дневник. – Рига: Виеда, 1992. С. 20.
- ⁹⁴ Там же. С. 37.
- ⁹⁵ *Рерих Н.К.* Сердце Азии. С. 81.
- ⁹⁶ *Рудзитис Р.Я.* Братство Грааля. С. 143.
- ⁹⁷ *Рерих Н.К.* Алтай – Гималаи: Путевой дневник. С. 286.
- ⁹⁸ См.: *Шапошникова Л.В.* Веления Космоса. М.: МЦР, 1995. С. 90; *Шапошникова Л.В.* Великое путешествие: в 3 кн. Кн.3. Вселенная Мастера / Л.В. Шапошникова. М.: МЦР, 2005. С. 781–784.
- ⁹⁹ *Андреев А.И.* Гималайское братство: Теософский миф и его творцы. С. 232.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 226.
- ¹⁰¹ См.: *Рерих Н.К.* Обитель Света. М.: МЦР, 1992. С. 34.
- ¹⁰² *Андреев А.И.* Гималайское братство: Теософский миф и его творцы. С. 226.
- ¹⁰³ Там же. – С. 233.
- ¹⁰⁴ Там же.
- ¹⁰⁵ Там же. – С. 227.
- ¹⁰⁶ *Рерих Е.И.* Письма. В 8 т. Т. 3. – С. 649.
- ¹⁰⁷ *Андреев А.И.* Гималайское братство: Теософский миф и его творцы. – С. 233.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 232.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 233–234.
- ¹¹⁰ Там же. С. 226.
- ¹¹¹ *Рерих Н.К.* Обитель Света. С. 34.
- ¹¹² *Андреев А.И.* Гималайское братство: Теософский миф и его творцы. С. 234.
- ¹¹³ *Рерих Е.И.* Письма. В 8 т. Т. 3. С. 649.
- ¹¹⁴ Там же. С. 626.
- ¹¹⁵ *Андреев А.И.* Гималайское братство: Теософский миф и его творцы. С. 234.
- ¹¹⁶ *Кальжанова Г.И.* В ипостасях любви и войны оголтелой // *Шапошникова Л.В.* Мудрость веков. М.: МЦР, 1996. С. 8.
- ¹¹⁷ *Андреев А.И.* Гималайское братство: Теософский миф и его творцы. С. 385.
- ¹¹⁸ Учение Живой Этики. Братство. Ч. 2. Надземное (продолжение). С. 399–400, п. 556.
- ¹¹⁹ См.: *Андреев А.И.* Гималайское братство: Теософский миф и его творцы. С. 77, 390.
- ¹²⁰ См.: там же. С. 389.
- ¹²¹ См.: там же. С. 390.
- ¹²² См.: там же. С. 391.
- ¹²³ Там же.
- ¹²⁴ Там же. С. 393.
- ¹²⁵ Там же.
- ¹²⁶ Учение Живой Этики. В 6 т. Т. 5. Надземное. М.: Русский Духовный Центр, 1992. С. 121, п. 1.
- ¹²⁷ *Андреев А.И.* Гималайское братство: Теософский миф и его творцы. С. 396.
- ¹²⁸ *Рерих Н.К.* Листы дневника в 3 т. Т. 2. С. 134–135.
- ¹²⁹ Там же. С. 460–461.
- ¹³⁰ *Рерих Н.К.* Зажигайте сердца. М.: Молодая гвардия, 1990. С. 29–30.
- ¹³¹ *Андреев А.И.* Гималайское братство: Теософский миф и его творцы. С. 430.
- ¹³² *Рерих Е.И.* Письма. В 8 т. Т. 3. С. 502.
- ¹³³ *Рерих Е.И.* Письма. В 8 т. Т. 5 (1937 г.). М.: МЦР, 2003. С. 193.
- ¹³⁴ См.: *Андреев А.И.* Гималайское братство: Теософский миф и его творцы. С. 430–431.
- ¹³⁵ Там же. С. 431.
- ¹³⁶ См.: *Шапошникова Л.В.* Великое путешествие: в 3 кн. Кн.3. Вселенная Мастера. С. 241.
- ¹³⁷ *Шапошникова Л.В.* Мудрость веков. С. 319.
- ¹³⁸ Инициаторами и организаторами проведения конференции явились Международный Центр Рерихов и Российская академия космонавтики им. К.Э. Циолковского. Также организаторами конференции выступили Российская Академия Естественных Наук и Российская Академия Образования.

¹³⁹ Резолюция Международной научной конференции “Космическое мировоззрение – новое мышление XXI века” // Космическое мировоззрение – новое мышление XXI века: материалы междунар. науч. конф., 2003 г., Москва. В 3 т. Т. 1. М.: МЦР, 2004. С. 338–339.

¹⁴⁰ *Андреев А.И.* Гималайское братство: Теософский миф и его творцы. С. 365.

¹⁴¹ Резолюция Международной научно-общественной конференции “Живая Этика и наука” // Живая Этика и наука: материалы междунар. науч.-обществ. конф., 2007 г., Москва. М.: МЦР, 2008. С. 750.